

ЗНАНИЕ

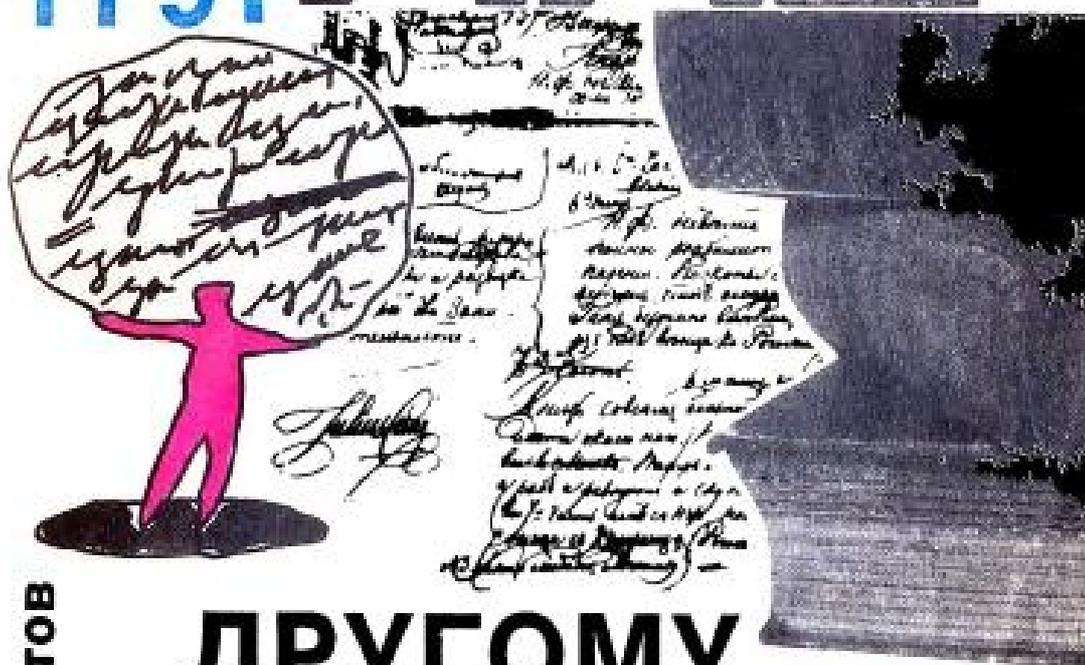

Издается
ежемесячно
с 1989 года

Подписная
научно -
популярная
серия

«Знак
вопроса»

11'91

В. И. Батов

ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ?

К читателю

«Другому как понять тебя?» — прекрасная строка Ф. Тютчева. И далее в этом же стихотворении утверждение: «Мысль изреченная есть ложь».

Давайте задумаемся, всегда ли наши слова выражают только то, что мы хотим сказать, или в них заключено нечто большее, о чем мы и не догадываемся? Но если это действительно так, как же понять нас другому? Да понимаем ли и мы этого другого? И что может помочь нам «расшифровать» сказанное, дойти до самой Сути Слова, уловить все, что сокрыто в нем?

Перед вами, читатель, работа, которая ответит на эти вопросы. Тема ее — в недавнем прошлом тема табу — текст как источник информации о психологических особенностях автора. Осмелимся утверждать: в отечественной научно-популярной литературе работ по этой теме еще не было. Да и не могло быть: ведь совсем недавно не поощрялся «экскурс» читателя в психологию маститых авторов, и не только их. Желание «понять другого» было под запретом. Но запретный плод сладок. И специалисты занимались этими проблемами и создали достаточно научной литературы. Очень серьезной и сложной — ведь исследования ведутся на стыках многих наук: истории, литературоведения, математики, психологии, криминалистики.

Брошюра, вышедшая в «Знаке вопроса», — первая попытка рассказать неспециалистам об этих исследованиях, объяснить, что такое «атрибуция» и «персонификация», каковы их возможности сегодня.

Но первым всегда трудно. Нам было трудно еще и потому, что предстояло доступно и увлекательно рассказать о научных методах. Возможно, это не везде удалось. Да простят нас читатели! Мы стояли перед дилеммой: или сказать так, как сказано, или не говорить совсем. Выбрано первое. Мы надеемся, что поднятая тема обязательно найдет отклик в умах и сердцах наших читателей и они захотят, познав азы, узнавать дальше. Пишите, высказывайте свои замечания и предложения. Ваши письма не останутся без ответа.

БАТОВ Виталий Иванович — кандидат психологических наук, автор более 60 работ в различных областях психологии.

Предисловие

Вначале, как известно, было Слово. И тогда же, очевидно, возникла проблема: кто автор? Сейчас вопросы поиска автора анонимного Слова объединяются в понятие «атрибуция» (от слова «атрибут» — существенный признак). Естественно, понятие «атрибуция» шире, нежели просто указание на поиск действительного автора. Атрибуция включает и время создания Слова, и его культурно-исторический контекст (социальная организация общества, языковые традиции, речевые нормы и пр., и, конечно, сведения о самом авторе. Произнесенное и зафиксированное Слово принято называть текстом.

Человек всегда стремится искать источник происхождения текста в одухотворенном мире. Воспринимая любой текст, мы «видим», далеко не всегда задумываясь над этим, за ним человека-автора, или, что то же — воспринимаемый текст нами персонифицируется. Форма и глубина такой персонификации у всех разная: от почти полного вытеснения из сознания какого-либо представления об авторе (большая часть людей — обычные читатели, интересующиеся только содержанием текста) до постановки прямого вопроса об авторе (специалисты-текстологи).

А так ли уж важно знать происхождение текста? Смотря для кого и с какой целью. Вряд ли необходимо доказывать, что для историка эта проблема чрезвычайно важна: весь смысл деятельности историка состоит в интерпретации действительных фактов, а какое может быть фактуальное знание без знания действительных субъектов исторического процесса. Еще большее практическое значение поиск анонимного автора имеет для правоохранительных органов:

фальсифицированные тексты криминогенного содержания, подметные письма, предсмертные записки, самооговоры — все это составляет предмет их забот. Не менее важна проблема атрибуции и для литературоведа: никто пока не подсчитывал точно, но фонд анонимной литературы может сравниться с фондом художественной словесности, где авторство не вызывает сомнений.

Говоря о значении проблемы атрибуции, надо иметь в виду и то, что отдельные анонимные тексты сыграли или продолжают играть до настоящего времени роль детонатора общественного мнения, стимулируют ту или иную черту общественного сознания, и именно потому, что авторство их не было установлено.

В 1905 году в Царском Селе была издана книга профессора Сергея Нилуса «Великое в малом», где впервые появляются знаменитые «Протоколы Сионских мудрецов». Эти «Протоколы» — одна из самых блестящих мистификаций двух последних столетий. Идеологический заряд содержимого «Протоколов» до сих пор питает экстремальный антисемитизм, а в момент своего появления — подъем вооруженной борьбы первой русской революции — они послужили сточным каналом, по которому эмоционально-разрушительная накипь толпы выливалась на головы несчастных евреев. Кто действительный автор (или авторы) пресловутых «Протоколов»? Наиболее правдоподобной представляется версия о плагиате, источник которого — одно из произведений малоизвестного французского публициста Мориса Жоли. Окончательной точки, однако, не поставлено и по сей день. Мрачное величие этой мистификации состоит как раз в том, что и сейчас слышно мощное историческое эхо, сеющее межнациональную рознь. Одна из причин этого (едва ли не главная) — отсутствие достоверного знания о действительном источнике этого «произведения»; именно неатрибутированность «Протоколов» питает сохранность человеконенавистнических идей, позволяет заинтересованным лицам выдавать желаемое за действительное или же просто спекулировать на приписываемом авторстве. Если же будет бесспорно доказано, что «Протоколы» — фальшивка, что евреи не имеют никакого отношения к их созданию, напротив — это антисемитская провокация, то, понятно, неизбежно произойдет реабилитация евреев, и один из мощных очагов межнациональной розни затухнет сам собой.

А вот пример не столь давний, к тому же из практики советской партийной работы. 4 июля 1990 года состоялась встреча А. Н. Яковлева с делегатами XXVIII съезда КПСС — сторонниками демократической платформы и молодыми коммунистами. Чуть позже на съезде была распространена Справка о ходе этой встречи, содержание которой возмутило А. Н. Яковлева, так как анонимный автор фальсифицировал стенограмму выступления. По заявлению Яковлева была создана авторитетная комиссия, но поиск не увенчался успехом «ввиду недостатка информации». Автор же, видимо, достиг желаемого: скандал на какое-то время дезорганизовал работу съезда, А. Н. Яковлев мог навсегда потерять какую-то часть своих сторонников, не говоря уже о моральной травме, нанесенной ему и его команде.

Последний пример весьма рельефно высвечивает вопрос о разрешимости проблемы атрибуции. Понятно, что комиссия партсъезда обладала практически неограниченными возможностями на территории страны для привлечения, в случае необходимости, любых специалистов и экспертов для решения поставленного вопроса. И все же работа оказалась безрезультатной. Действительно ли сейчас наука беспомощна в этом отношении? Ниже будет показано, как складывается ситуация с проблемой атрибуции в настоящее время. Отметим только, что разработка проблемы опирается на достижения нескольких наук, причем наук, до последнего времени не пересекавшихся, таких, например, как история и математика, литературоведение и кибернетика.

В работе прослеживается путь развития проблемы от атрибуции (решения о принадлежности текста тому или иному автору) к персонификации (отысканию психологических характеристик, присущих автору).

Глава I. Спорное авторство в литературоведении

Автор-творец поможет нам разобраться и в авторе-человеке.

Девятнадцатый век — век славы и величия русской художественной литературы — передал веку двадцатому значительное число анонимных художественных произведений. Можно сказать, что весь XIX век пронизан сознательным стремлением художников слова в определенных условиях прибегать к анонимности. И это обстоятельство тем более рельефно просматривается на фоне анонимности древнерусской литературы, которая создавалась, как правило, народом в целом, и лишь условно авторами можно считать переписчиков древних летописей. Какие же условия заставляли авторов прибегать к анонимности или скрывать свое имя за псевдонимами?

В политической жизни дореволюционной России (а действительные крупные художники слова не могли не касаться в своих произведениях политических и идеологических проблем своей эпохи) псевдоним — это прежде всего орудие защиты от произвола господствующего класса, давления со стороны государственного аппарата и церкви. Но разумеется, существовали и частные причины, побуждавшие литераторов к анонимности, такие, как робость первого литературного выступления, неблагозвучность настоящего имени писателя, желание ввести читателя в заблуждение относительно числа сотрудников и приверженцев издания (например, В. Я. Брюсов в сборниках «Русские символисты» (1894–1895) использовал несколько псевдонимов, желая показать, что символизм, как новое течение в русской литературе, имеет значительное число последователей), служебное положение автора, мода на псевдонимы, прикрытие плагиата, мистификация и, наконец, реклама собственного произведения (путем использования известных псевдонимов или их пародийной модификации).

Обычно используют три способа маскировки действительного имени автора: псевдоним, аноним, мистификация. Первые два способа понятны: псевдоним — выдуманное имя, аноним — отсутствие имени. Отличительная черта последнего — мистификации — присутствие элементов стилизации, а также бытовых и биографических (в основном в мемуарной мистификации) моментов. Мистифицированными произведениями часто являются подделки древнерусских текстов. Среди литературоведов существует мнение, что многие древние русские летописи созданы на самом деле в позднейшее время.

Расшифровка анонимных и псевдонимных произведений с точки зрения их авторства имеет чрезвычайно большое значение для правильной оценки культурного наследия нации. Это значение определяется необходимостью изучения определенной литературной эпохи, историей общественно-революционного движения, особенностями процессов литературной борьбы, а также историей литературных изданий и эволюцией формирования крупных художников слова. Ошибки при установлении авторства анонимных и псевдонимных текстов чреваты многими, и нередко значительными, осложнениями как конкретно-научного, так и социально-культурного плана.

Приведем

два примера литературных подделок,

которые оставили глубокий след в отечественной словесности. Оба примера касаются имени великого русского поэта А. С. Пушкина. Первый связан с подделкой окончания поэмы «Русалка» А. С. Пушкина, второй показывает, как А. С. Пушкин сам стал жертвой мистификации.

Как известно, поэма А. С. Пушкина «Русалка» осталась неоконченной. Известны три варианта ее «окончания»: А. И. Штукенберга (1866), Я. А. Богдановой (1877) и Д. П. Зуева

(1897). Первые два варианта не приписывались А. С. Пушкину (существует и такая форма литературного произведения, когда автор пишет как бы «за» или «вместо» известного писателя). Последний вариант прямо приписывался А. С. Пушкину и вызвал острую полемику в литературных кругах конца XIX века.

Вкратце история появления «окончания» «Русалки» такова.

В числе друзей А. С. Пушкина был поэт и переводчик Э. И. Губер (1814–1847). По утверждению Д. П. Зуева, в ноябре 1836 года Пушкин читал в доме Губера свою «Русалку». Присутствовал там и 14-летний Дмитрий Павлович Зуев. Возвратившись от Губера, он записал последние сцены «Русалки», которые А. С. Пушкин дважды прочел по его, Зуева, просьбе. Через 50 лет Зуев отдал запись Б. Н. Чичерину, который и передал (с разрешения Зуева) этот текст в «Русский Архив». В результате в журнале «Русский Архив» за 1897 год появилась публикация: «„Русалка“ А. С. Пушкина. Полное издание. По современной записи Д. П. Зуева».

Странности и противоречия в истории с окончанием «Русалки», однако, начались несколько ранее его опубликования. В 1889 году Д. П. Зуев читал «окончание» в Русском литературном обществе, где заявил, что запись сделана им по памяти в 1883 году, т. е. через 47 лет после первого прочтения «Русалки». Затем появились дополнительные факты, зарождающие большое сомнение в подлинности окончания «Русалки».

Во-первых, в архиве А. С. Пушкина в то время и до сих пор не обнаружено и намека на написанное им окончание «Русалки». Во-вторых, Э. И. Губер, писавший в «Русском инвалиде» в 1837 году о своих отношениях с А. С. Пушкиным, ни слова не сказал о чтении Пушкиным у него «Русалки». В-третьих, весьма примечательно, что запись Зуева начинается с последних слов «Русалки». В-четвертых, и в содержательном, и в стилистическом отношении окончание Зуева, по мнению специалистов-литературоведов того времени, во многом повторяет первые два «окончания» «Русалки» Штукенберга и Богдановой, с которыми он вполне мог быть знаком. В-пятых, выяснилось, что Дмитрий Зуев вообще не был знаком с А. С. Пушкиным, но с ним знаком его брат — Петр Павлович Зуев, умерший в 1895 году, т. е. за два года до опубликования окончания «Русалки» в «Русском Архиве». Наконец, в-шестых, в газете «Новое время» в 1900 году было опубликовано письмо родственника Зуева, засвидетельствовавшего мистификацию с окончанием «Русалки».

Эта история сама по себе не заслуживала бы столь пристального внимания, если бы не нашелся крупный литературовед Ф. Е. Корш (1843–1915), поставивший себе задачу доказать подлинность окончания «Русалки». Доказательства Корша были настолько многосторонними и оригинальными (хотя и далеко не убедительными), что послужили причиной целой лавины литературоведческих и журналистских публикаций, опровергающих уже сам метод и выводы Ф. Е. Корша. Примечательно, что «посягательство» на гения русской словесности — А. С. Пушкина — не помешало Российской императорской Академии наук опубликовать аргументы Ф. Е. Корша (некоторые из которых мы ниже приведем). И хотя критика велась в основном на уровне публицистических нападок (многие из этих возражений содержатся в сборнике «Подделка „Русалки“». СПб., 1900), ученые до сих пор молчаливо принимают позицию, отвергающую выводы Ф. Е. Корша.

Второй пример нам показывает, что литературная подделка, сделанная крупным писателем, сама становится оригинальным художественным произведением. И если не обнаруживаются факты, способствующие раскрытию имени действительного автора (при отсутствии специальных надежных методов атрибуции), то это произведение входит в сознание современников и потомков как принадлежащее тому автору и времени, которые устанавливает мистификатор. Излишне говорить об отрицательных последствиях такой «ориентации» произведения.

А. С. Пушкин стал жертвой мистификации крупнейшего французского писателя XIX века Проспера Мериме, анонимно издавшего сборник «Гусли, или Избранные иллирийские поэмы,

собранные в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Из этой работы Пушкин заимствовал 11 песен, полагая, что имеет дело с образцами оригинального народного творчества, и, авторски переработав их, издал «Песни западных славян». (Кстати, Адам Мицкевич также заблуждался относительно истинного авторства иллирийских поэм.) Проспер Мериме, сам сознался в своей подделке в письме к С. А. Соболевскому в 1835 году. Разумеется, что и произведение Мериме, и произведение Пушкина вошли в золотой фонд литературно-художественных ценностей мировой культуры.

Процесс установления авторства анонимного и псевдонимного произведения весьма сложный и многоплановый. Он предусматривает и содержательно-идеологический анализ, и оценку лексико-стилистических особенностей по возможности наиболее полного наследия предполагаемого писателя. Цель его — получить надежное, точное, научно обоснованное представление о писателе, его месте в общественной жизни, взаимоотношениях с литературными группировками, принадлежности к определенным художественным направлениям, школам, наконец, о его профессиональном мастерстве. Пути раскрытия псевдонима в основном следующие: а) псевдоним или мистификацию раскрывает сам автор, например, включая в собрание своих сочинений произведения, ранее опубликованные под псевдонимом; б) расшифровать псевдоним помогают сведения о творческой работе предполагаемого автора в тех или иных изданиях (данные архивного поиска, письма писателя, его дневники, анализ мемуарной литературы современников и пр.); в) на основании конкретного исследования текста методами стилистического анализа и тематических сближений. Когда нет сведений от самого автора, анонимный текст исследуется в двух основных направлениях: с помощью историко-архивных методов и методов лингво-стилистического анализа. Достоверность результатов, полученных с помощью этих методов, неодинакова — если вполне определенные выводы архивного поиска можно считать бесспорными в решении вопроса о подлинности или подложности литературного произведения, то выводы, сделанные на основе методов анализа языка произведения, убедительны в гораздо меньшей степени. Преимущество последних, однако, состоит в их универсальности: архивный поиск может оказаться безрезультатным, а язык произведения всегда, очевидно, может служить предметом анализа. Именно поэтому методы анализа языка и стиля литературного произведения привлекают все большее внимание текстологов, которые стремятся сделать их такими же надежными и убедительными, как и методы анализа документов. Путь, на котором лежит достижение этой цели, — объективизация методов, т. е. внедрение математических и статистических приемов анализа языкового материала. Но для того чтобы увидеть преимущество объективных методов анализа языка в установлении авторства, целесообразно рассмотреть

традиционные методы установления авторства,

основные научные принципы которых предложены в XIX веке.

Вернемся к истории с подделкой пушкинской «Русалки». Интересно, что мотивы, побудившие Ф. Е. Корша поднять вопрос о подлинности, казалось бы, бесспорно поддельного окончания «Русалки», никогда не были рассмотрены. Можно лишь высказать предположение о том, что намерением Ф. Е. Корша руководила конъюнктурно-рекламная цель, а именно — показать, что столь невысокого художественного достоинства текст... мог быть написан и А. С. Пушкиным.

Ф. Е. Корш, по собственному заявлению, стремился быть максимально объективным в своем анализе и хотел отойти от субъективно-эстетических квалификаций и оценок «пушкинского стиля», что действительно служило основой большинства предшествующих исследований. Он считал, что необходимо опираться на объективно-исторические нормы литературного языка и стилистики художественной речи той литературной эпохи, к которой относится рассматриваемое произведение, а не акцентировать внимание на субъективно устанавливаемых признаках и особенностях индивидуальной творческой манеры писателя..., Все эти положения, а также принцип обязательного соотнесения анонимного текста с текстами,

заведомо принадлежащими автору, которому приписывается анонимный текст, разумеется, правильны. Однако эти постулаты действительно научного подхода были подчинены Коршем странному и весьма необъективному методу «негативного анализа» текста. Суть этого метода состояла в том, что специфичность языка исследуемого текста рассматривалась со стороны возможных погрешностей, неточностей и несообразностей стилистического и лексического характера. Иными словами, Корш пытался доказать, привлекая примеры из подлинных произведений А. С. Пушкина, что окончание «*русалки*», несмотря на всю свою посредственность (а по замыслу Корша именно благодаря этому), вполне могло быть написано рукой Пушкина. Так, Корш выделяет такое явление, как повторы, самоподражание у Пушкина, приводя многочисленные цитаты из разных его произведений.

«На лоне мира и отрад»

Воспоминания в Царском Селе, 1815 г.

«Безмолвная на лоне мира»

«Руслан и Людмила», 1820 г.

«Напишешь наши имена»

К Чаадаеву, 1818 г.

«Пищу я наши имена»

Чаадаеву, 1827 г.

На основании подобных сопоставлений Корш делает вывод о том, что этот признак вполне может оправдать присутствие аналогичных повторов и в «окончании», а потому авторство Пушкина обретает еще один аргумент. Но разве только для А. С. Пушкина характерны повторы? Вопрос остается открытым.

Ф. Е. Корш подробно останавливается на несовершенствах в отдельных случаях ритмического строя пушкинского стиха:

«Сперва ей было не до *них*;

Но показался выбор *их*

Ей странен»

(выделено Ф. Е. Коршем). Евгений Онегин, гл. VII

Здесь, отмечает Корш, одно и то же слово в той же форме и с тем же смыслом различается только отсутствием или присутствием призывка.

Подобных огрехов стихосложения Ф. Е. Корш находит десятки, как в действительных текстах Пушкина, так и в «Окончании», из чего делается вывод: столь несовершенное «Окончание» могло выйти из-под пера Пушкина, который не всегда демонстрировал «высокий стиль» стихосложения.

Ф. Е. Коршу не удалось соблюсти декларируемые им же принципы объективности и беспристрастности при анализе языка окончания «Русалки».

Пример этой атрибуции наиболее отчетливо показывает всю проблематичность и спорность выводов, если они основываются только на субъективном впечатлении о языке произведения. Если же убрать момент «негативного» подхода к анализу текста, то следует признать, что в остальном работа Корша представляет собой типичный для своего времени образец исследования с целью расшифровки спорного авторства. В этой работе собраны многие традиционные методы анализа, и прежде всего те, которые основаны на принципе «избирательности», т. е. принципе отбора наиболее характерных языковых особенностей (лексических; фразеологических, грамматических). По замыслу исследователя эти особенности в

совокупности должны характеризовать уникальность авторского стиля и потому могут служить основой для установления автора анонимного текста. Но проблема состоит в том, как отмечает известный советский литературовед В. В. Виноградов, что здесь слишком высока вероятность подмены «типического» эклектическим подбором необычных особенностей индивидуального стиля, которые не могут служить основанием для отождествления различных стилей, так как весьма неустойчивы и субъективны. Понятно, что в условиях субъективно отбираемых языковых признаков нельзя точно разграничить среди них индивидуально-типические (т. е. свойственные именно данному автору) и те, которые употребляются широко в литературном обиходе, а это означает, что надежность метода практически равна нулю.

Принципы, использованные Коршем — прежде всего те, которые основаны исключительно на субъективной, интуитивной оценке текста, — в последующих работах различных авторов развивались и дополнялись. Предпринимались попытки создать новое научное направление, получившее название «литературная эвристика» (специальное направление литературоведения, изучающее вопросы спорного, авторства), задача которого — анализ произведения в двух аспектах: первый — изучение языка и стиля произведения, второй — изучение содержания произведения и сопоставление его с мировоззрением предполагаемого писателя. Характерно, что в то время, когда даже язык произведения не мог быть подвергнут объективному количественному анализу, уже предлагались для решения проблемы авторства такие грани произведения, которые и сейчас полностью не формализуемы, например, содержание произведения. Сравнительно недавно, с начала 40-х годов, были предложены некоторые приемы количественной оценки содержания текста, но их эффективность низка, так как они требуют объемного однородного языкового материала.

Итак, несмотря на несовершенство методов установления авторства, большинство исследователей единодушны в том, что решение проблемы лежит именно на пути изучения языка и стиля произведения. Завидное согласие! И это, повторим, несмотря на целый ряд спорных и явно ошибочных атрибуций. Столь твердая позиция, очевидно, во многом способствовала созданию действительно объективных методов анализа языка произведения. В отечественном литературоведении первооткрывателем принципиально нового, объективного направления в решении вопросов спорного авторства стал замечательный русский ученый Николай Александрович Морозов (1854–1946). Человек очень непростой судьбы (в царское время — революционная борьба под знаменем народничества, заключение в Шлиссельбургскую крепость, каторга), Н. А. Морозов обладал поистине энциклопедическими знаниями. Научные интересы этого талантливого человека были чрезвычайно широки: кроме литературоведения, математика и астрономия, античная история и библейская мифология;

В статье «Лингвистические спектры», вышедшей в 1915 году, Морозов характеризует свой метод как «средство для отличения плагиата от истинных произведений того или другого известного автора». Идею метода Морозов заимствует у немецких исследователей XIX века В. Диттербергера и К. Риттера, которые изучали спорные тексты (среди них тексты, приписываемые Платону, Гёте и др.) методами статистического анализа употребительности отдельных речевых форм, слов, выражений, фразеологических оборотов и синонимов. Причем в качестве счетных единиц выбирались наиболее подвижные и легко заменяющиеся синонимами элементы языка.

В основе предложенного Н. А. Морозовым метода лежало глубокое убеждение автора в том, что языковые элементы распределяются в общей структуре текста в определенной пропорции, которая характеризует индивидуальный речевой стиль писателя. Но если немецкие исследователи использовали сравнительно редко встречающиеся в тексте лингвистические формы (предполагая, что уникальность языковых форм определяет индивидуальность стиля писателя), Морозов, наоборот, предложил «отбросив все редкие слова, ограничиться наиболее частыми и общими для всех родов литературы». За этим кажущимся незначительным различием в позициях немецких исследователей и Н. А. Морозова скрывалось принципиальное расхождение: не исключительность языкового элемента определяет стиль писателя, но

своеобразие в употреблении общих языковых форм, а это может быть объективно установлено только математически. Далее Морозов обратил внимание на тот факт, что не только необходимо учитывать слова, имеющие большую частоту употребления, но и то, что группы этих слов неоднородны, т. е. они должны принадлежать различным частям речи. Особое внимание он уделял незначительным словам, служебным, или как назвал их автор, распорядительным частицам речи (союзы, предлоги, некоторые местоимения, наречия и пр.). Отвечая утвердительно на вопрос: нельзя ли по частоте употребления таких частиц узнавать авторов, как по чертам их портретов? — Морозов предлагает: «Для этого прежде всего надо перевести их частоты на графики, обозначая каждую распорядительную частицу на горизонтальной линии, а число ее повторений на вертикальной, и сравнить эти графики между собой у различных авторов».

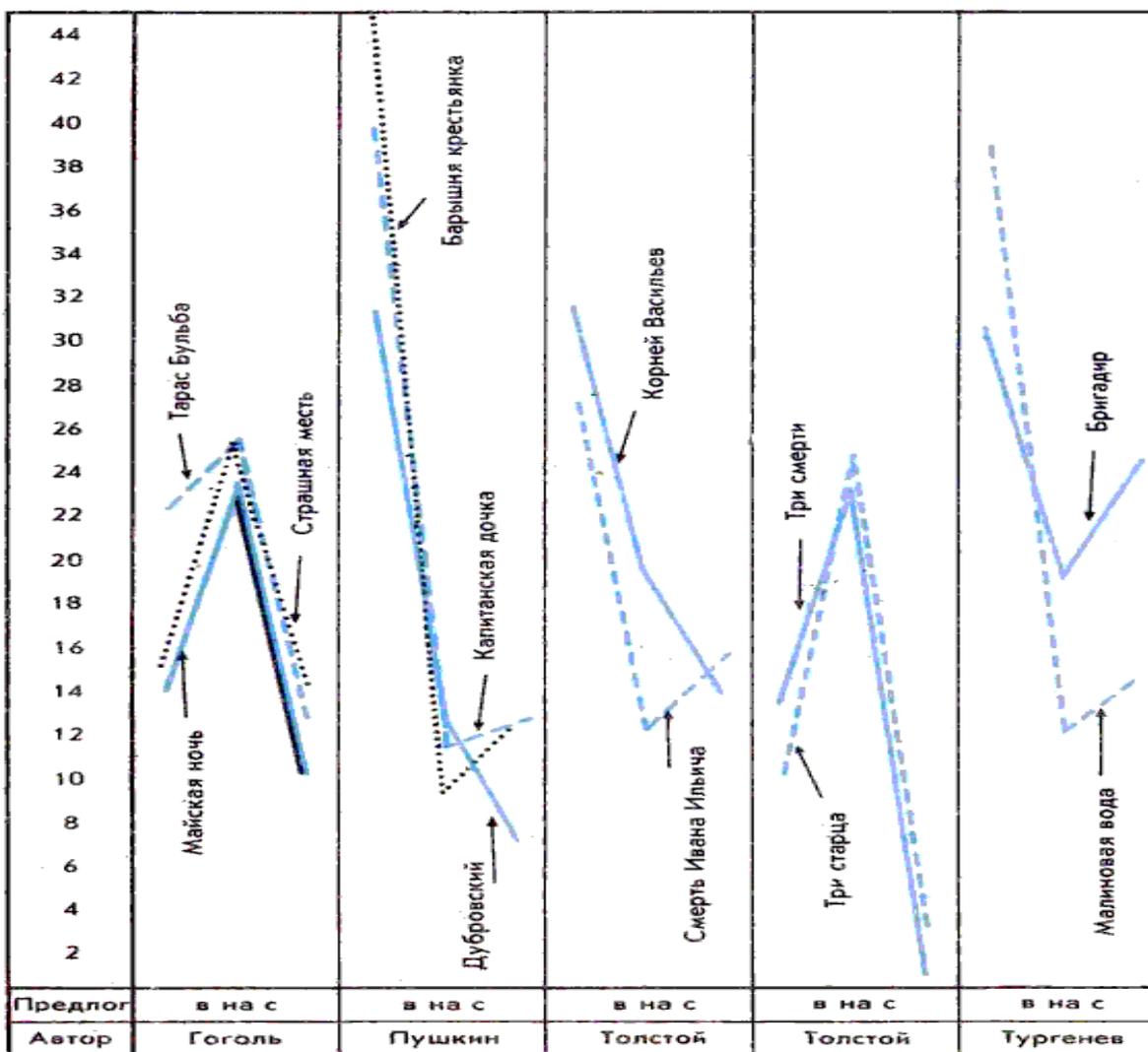

Рис. 1. Образцы «главного предложного спектра» (по Н. А. Морозову)

Таким образом, результат анализа текста, по Морозову, можно представить в виде графика распределения частоты встречаемости различных языковых элементов, сгруппированных в тот или иной грамматический класс (например, график распределения частоты встречаемости предлогов). Эти графики Морозов и называл лингвистическими спектрами.

На рис. 1 приведены примеры лингвистических спектров ряда произведений современных Морозову русских писателей. При обработке текстов Морозов отсчитывал (исключая эпиграфы или вводные цитаты из иностранных авторов) первую тысячу слов. Наиболее часто повторяющимися оказались у всех исследованных авторов предлоги «в», «на» и «с», поэтому их графики Морозов и назвал «главным предложным спектром».

Повышение надежности метода и достоверности результатов достигается, во-первых, за счет увеличения объема текста, то есть числа языковых единиц, входящих в один спектр, и, во-вторых, за счет увеличения числа самих спектров. В конечном итоге и первое и второе требование выполняется при увеличении объема исследуемого текста.

Метод Морозова остался бы действующим рабочим инструментом литературоведов и по сей день, если бы не одно обстоятельство: все показатели этого метода зависят от объема анализируемого текста, а сам автор не определил границу объема, за которой надежность метода не подлежит сомнению. Дело в том, что показатели частоты употребления отдельных языковых элементов, полученные на текстах, скажем, в сто словоформ^[1], могут различаться даже у одного автора, а весь метод строится на близости значений этих показателей. И только в достаточно больших текстах — порядка нескольких тысяч словоформ — показатели частоты стабилизируются и становятся пригодными для сравнения текстов разных авторов.

Ответ на вопрос о минимально необходимом объеме текста, достаточном для установления авторства, дал польский исследователь Е. Ворончак в работе, посвященной математико-статистическому анализу устойчивости различных показателей, используемых в настоящее время в исследованиях языка и стиля произведения. Он приходит к выводу, что границей объема текста (ниже которой результаты недостоверны, а выше — достоверны) является пять тысяч словоформ. Но проблема надежности методов, основанных на использовании частотных показателей, все же остается, так как в литературоведческой практике основной массив анонимной литературы состоит из текстов, гораздо меньших по объему (среди анонимных текстов наиболее часто встречаются письма, полемические статьи, черновые фрагменты произведений, т. е. тексты, не всегда превышающие и тысячу словоформ). Непригодность частотных расчетов для атрибуции коротких текстов заставляет изменить направление поиска надежных показателей. Одно из новых направлений в решении проблемы авторства

психолингвистика плюс математика.

Итак, необходимо найти такие показатели языкового своеобразия произведения, которые бы, во-первых, отражали индивидуальный стиль автора и, во-вторых, могли бы быть использованы при анализе текстов объемом меньше тысячи словоформ. Как мы уже выяснили, первое требование выполняется при использовании частотных показателей употребительности различных частей речи, но эти показатели не удовлетворяют второму требованию. Необходимо как-то понизить их случайный разброс в текстах небольшого объема. Рі здесь приходят на помощь достижения такой научной дисциплины, как психолингвистика. Эта сравнительно новая пограничная дисциплина занимается изучением процессов порождения и восприятия речи человеком.

Давно было замечено (однако исследовано сравнительно недавно), что человек в своих приблизительных, интуитивных суждениях о каких-либо физических параметрах окружающего мира дает оценки, весьма близкие к действительности. Так, например, зрительно воспринимая какой-либо предмет на разной удаленности от глаз, человек всегда правильно определит его размер, хотя проекция на сетчатку и будет меняться. Известно, что за этим лежит (в числе других причин) знание и опыт взаимодействия с этим предметом. Следовательно, воспринимая окружающий мир, человек всегда привлекает свой прошлый опыт и, основываясь на нем, строит свое поведение в настоящем. Те же явления мы наблюдаем и в сфере речевой деятельности. Советский лингвист Р. М. Фрумкина провела эксперимент, в котором сравнивались объективные и субъективные частоты употребления отдельных слов (первые брались из частотных словарей, вторые — рассчитывались на основании опроса группы лиц). Результат сравнения частот показал, что субъективное представление о том, как часто употребляются те или иные слова, практически совпадает с действительной частотой, полученной на основе обработки больших текстов. Правда, при этом необходимо опираться на субъективную оценку не одного человека, а на среднюю оценку достаточно большой (в статистическом отношении) группы лиц.

Но если субъективные и объективные частотные показатели близки на уровне отдельных слов, то можно допустить, что это явление проявит себя и на более сложной организации текста, например, на уровне восприятия грамматических форм, предложений, распределения частей речи (таких, как существительные, предлоги и пр.). Если это предположение окажется верным, то откроется возможность построения принципиально нового метода для анализа анонимных текстов. Научная проверка выдвигаемых предположений (гипотез) осуществляется экспериментально. Такой эксперимент был поставлен и как его результат — разработан количественный^[2] метод атрибуции.

Суть метода заключается в следующем. Используя результаты исследования процессов восприятия человеком речевой информации, ученые разработали математические модели, описывающие эти механизмы. Иными словами, ставилась цель как бы заменить человека компьютером в процессе обработки речевой информации (воспользовавшись данными эксперимента, в котором большая группа испытуемых воспринимала и оценивала тексты). Заменой служили эмпирические (полученные опытным путем) математические выражения, связывающие вычисляемые (формальные) параметры языковой структуры текста (число предлогов, союзов и пр.) с субъективными оценками испытуемых. Разумеется, модель давала лишь приближение к реальным оценкам, но путем длительных и тщательных исследований удалось приблизить вычисляемые значения к реальным оценкам до уровня 95% совпадений. Следует сказать, что такой результат вряд ли мог быть получен к настоящему времени без использования электронно-вычислительных машин. Математическая модель реализована в виде программы для персонального компьютера.

Теперь, зная еще один метод определения действительного авторства анонимного текста, можем применить его на практике: проанализируем

спорный текст М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Принадлежность некоторых текстов М. Е. Салтыкову-Щедрину и сегодня является предметом научных дискуссий. Так, ему долгое время приписывалось «Письмо к графу Д. А. Толстому», оно даже входило в собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это положение сохранялось до тех пор, пока не был установлен подлинный автор «Письма» — Д. А. Клеменц. Однако прецедент подобного рода представляет хорошую возможность проверить действенность нашего метода на тексте, заведомо принадлежащем М. Е. Салтыкову-Щедрину, и на тексте «Письма к графу Д. А. Толстому». Приводим отрывки из текстов, которые анализировались. Текст А содержал 333 словоформы, текст В — 304 словоформы, т. е. объем каждого текста был намного ниже той границы 5 тысяч словоформ, которая определяется литературоведами как минимальная.

Текст А

«Ни слова об этом. Ежели я не требую намордников, то идти дальше по пути послаблений нимало не желаю. Словом сказать, я возлагаю упование на будущее. В этих видах я связываю мои предположения о возрождении печати с проектом об упорядочении молодого поколения вообще. Ты видел, как нетрудно и даже легко достигается последнее, а по последнему можешь судить и о первом. Как скоро образуется, благодаря содействию пламенных молодых людей, молодое поколение, усовершенствованное и очищенное от неблагонадежных элементов, то вместе с тем получатся и питательные кадры, из которых имеют пополняться ряды деятелей печати». Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 16. «Пестрые письма. Письмо III». — М., 1937, с 292.

Текст В

«Ввиду крайнего невежества и легкомыслия родителей, сказывается крайне необходимым запретить оным вступать в брак и посягать без надлежащего к нему приуготования. С каковою целью я считаю за благо немедленно учредить в достаточном числе, в различных частях

империи, институты и бракоприготовительные заведения, где бы преподавались людям, желающим вступить в брак, а также и неблагонадежно, брачным родителям, правила духовно-нравственного содержания, привлекающие ум и сердце к спокойствию и чувству и отвлекающие от злободневных размышлений».

Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 8. «Письмо к графу Д. А. Толстому». — М., 1937, с. 282.

Результат применения количественного метода может быть представлен в графической форме. Воспользуемся этой возможностью для сравнения приведенных текстов. На рис. 2 приведены графики субъективной (но выраженной количественно) оценки восьми грамматических форм для этих текстов.

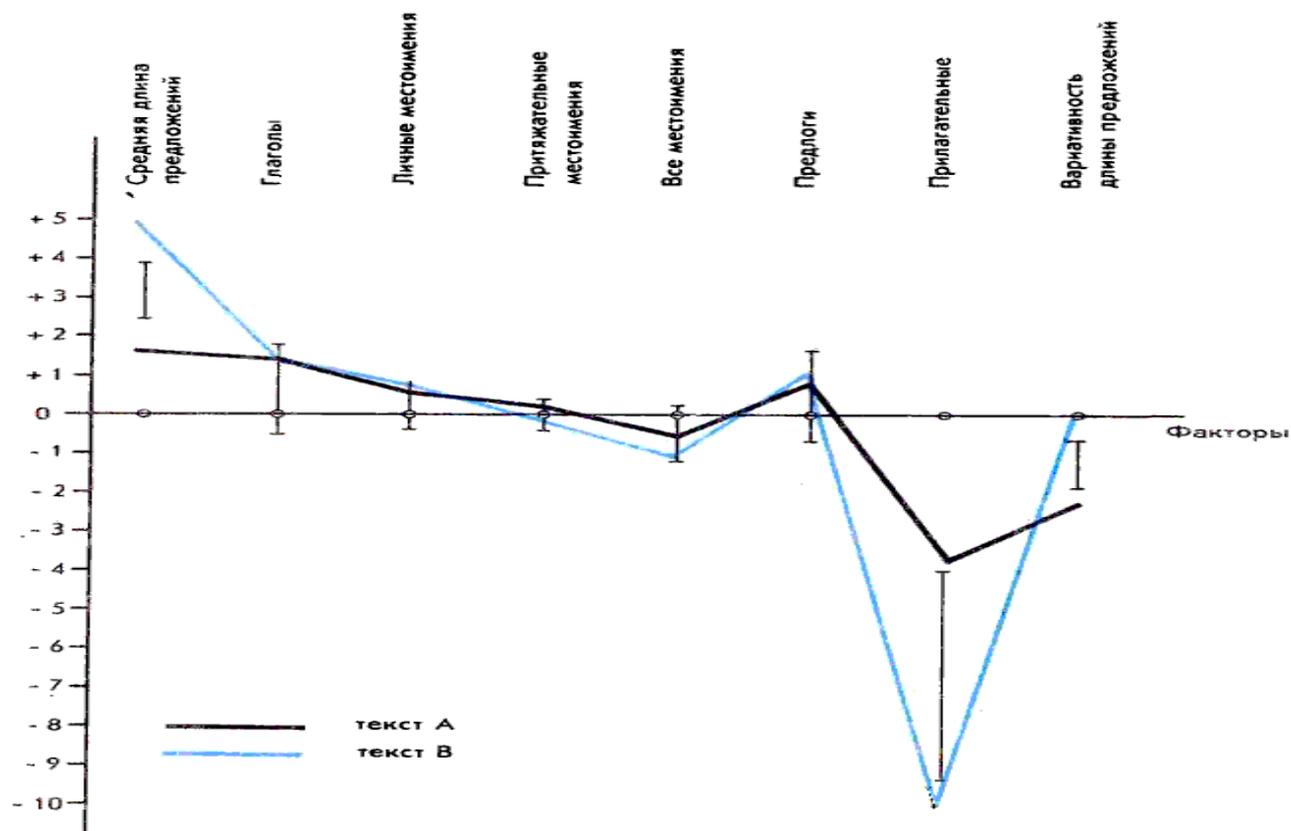

Рис. 2. Сравнение текста М. Е. Салтыкова-Щедрина (А) с текстом, ранее приписываемым ему (В)

Допустимые различия между оценками по каждой грамматической форме отмечены вертикальными отрезками. Если расстояние между соответствующими оценками превышает допустимую величину, следует считать, что с вероятностью 95% эти грамматические формы принадлежат текстам разных авторов.

На рисунке отчетливо видно, что оценки трех из восьми грамматических форм различаются на величину больше допустимой. С помощью известных статистических методов нетрудно показать, что тогда и в целом эти графики не тождественны. Но это означает, что тексты, отраженные в графиках, принадлежат разным авторам. Таким образом, мы подтвердили тот факт, что «Письмо» не принадлежит М. Е. Салтыкову-Щедрину, и приобрели доказательства действительности нашего метода. И все же в том виде, как он изложен выше, метод еще весьма далек от задуманного: только лишь «перевод» языковых признаков текста в количественные

оценки не изменяет принципиальной позиции исследователя; поиск необходимых признаков происходит спонтанно, путем последовательного их перебора, то есть фактически путем проб и ошибок.

Ниже мы покажем эволюцию этого метода, а пока рассмотрим, как решается проблема спорного авторства в судебно-следственной практике.

Глава II. Проблема авторства в криминалистике

Исходным моментом в развитии экспертизы письма следует считать каллиграфию. Уже на этом этапе цели, стоящие перед экспертами, заключались в определении исполнителя текста на основе сходства или различий в написании букв при сравнении с прописями. Экспертами выступали переписчики-каллиграфы: в начале XVII в. в России ими были приказные дьяки; в середине XIX в. такими экспертами могли быть преподаватели, секретари, нотариусы, учителя чистописания.

Вторым этапом развития идей, приведших к криминалистическому пониманию экспертизы письма, был сигналитический, или приметоописательный, подход. Суть его заключалась в выделении, с одной стороны, типовых элементов почерка, с другой — в анализе особенностей этих элементов. Разработанные единая терминология и единый способ измерения элементов почерка позволяли сделать заключение об идентичности текстов по их исполнителю.

Дальнейшее развитие сигналитический подход нашел в графометрическом методе, автором которого в его современной форме является французский криминалист Э. Локар.

Перечисленные подходы в экспертных исследованиях письма характеризует одна общая черта — они исследуют только лишь почерк, а не письмо в целом, проблема авторства анонимного текста не включается в круг вопросов, поставленных этими исследованиями.

Впервые проблема авторства ставится Только в криминалистике при идентификации письма. Речь идет о периоде становления действительно научного подхода в экспертизе письма, у истоков которого, по-видимому, стоял Ганс Гросс (он же впервые ввел термин «криминалистика»). Это подтверждают криминалисты, находя, что у Гросса объектом изучения являлся не только почерк, а все письмо в целом, причем главное внимание исследователя уделялось смыслу, стилю и целевому назначению рукописи.

Криминалистический подход имел еще одно направление, совершенно не отмеченное в работах криминалистов-почерковедов. Речь идет о попытке создать в 20-х годах нынешнего столетия судебно-психологическую экспертизу документов. Интересно отметить, что судебные психологи того времени, так же как и криминалисты, выдвигали в основатели своей дисциплины Ганса Гросса. Теоретической основой методов судеб-но-психологических экспертиз были многочисленные экспериментально-психологические исследования. Среди задач, стоящих перед этими исследованиями, можно назвать следующие: психология свидетельских показаний, психология обвиняемого, психология участников судебного процесса и др. Не будем подробно останавливаться на анализе всех направлений судебно-психологических исследований того времени. Судебно-психологическая экспертиза в том виде, в котором она оформилась к середине 20-х годов, основывалась исключительно на анализе содержания документов.

Судебно-психологические экспертизы документов делятся на аналитические и синтетические, цель их — определение автора. Аналитический метод предполагает деление показания на составные части. Их сравнение позволяет решить вопрос: мог ли один автор высказать сравниваемые варианты ответов? Излишне говорить, что этот вопрос решает сам исследователь. В отличие от аналитического метода, метод сравнительно-хронологических

таблиц (синтетический метод) заключается в представлении всего показания в связном изложении и позволяет видеть, как дополняется содержание показания, «расцветивается» всевозможными деталями и эмоционально окрашенными элементами.

Заключения экспертов, использовавших эти методы, были чрезмерно субъективны и неубедительны. Много позднее, уже в наше время, приведенные идеи воплотились в достаточно стройную систему анализа сообщений — контент-анализ.

Если судебная психология после 20-х годов развивалась медленно, то экспертиза письма фактически стала отождествляться с почерковедением. Анализ же других сторон письма, позже среди экспертов-криминалистов получивших название «признаков письменной речи» (т. е. признаков, не связанных с графикой и топографией письма), откладывался для будущих исследований.

Работа «Об использовании лингвистической статистики для установления автора анонимного текста» Л. Е. Ароцкера и В. К. Воинова, изданная в 1966 г., стала, по мнению многих ведущих советских криминалистов, своеобразным этапом в развитии криминалистической экспертизы письма. После опубликования работы перестали обсуждаться основные принципы экспертизы письма, общее признание получило разделение признаков письменной речи на общие и частные, на идентификационные и неидентификационные. Но главное — был четко поставлен вопрос о разграничении предмета исследования:

исполнитель или автор?

Ароцкер и Воинов, отмечая, что теоретически понятия «автор» и «исполнитель» текста разграничены, утверждают, что «практически эксперты устанавливают лишь исполнителя анонимного документа и только по его почерку». Указывая, что криминалистам необходимо сотрудничать с филологами, авторы предлагают программу статистического анализа признаков письменной речи, существование которых в тексте не зависит от его содержания. Такими признаками являются синтаксические особенности, объем лексического словаря, общее число словоупотреблений, число знаменательных и незнаменательных слов, число предложений в тексте и др. Исследование сводится к статистическому анализу различий по каждой из выбранных характеристик для ряда текстов (аутентичных^[3] и анонимных).

В последнее время многие исследователи-криминалисты не могут обойтись в своей работе без применения смежных наук, в том числе литературоведческой атрибуции. Сегодня уже ясно, что судебно-лингвистическое исследование выделяется в самостоятельную область криминалистической экспертизы.

Особый интерес для нас представляют работы, в которых ставится и решается вопрос о поле автора:

мужчина или женщина?

Различия в вербальном^[4] поведении мужчины и женщины были замечены лингвистами довольно давно. Еще в XIX столетии они обратили внимание, что во многих случаях женщины и мужчины говорят по-разному, а в отдельных ситуациях их речь может различаться значительно.

Особенно заметны различия в словарном составе.

Многие ученые полагают, что различия в объеме словаря возможны не только в современном обществе, они уходят своими корнями в глубокое прошлое.

Мужчины восприимчивее к новому в языке. В их речи больше неологизмов, терминологической лексики. Речь женщины более нейтральна, статична, в ее лексиконе чаще можно найти устаревшие слова и обороты, архаизмы, диалектные слова.

Поскольку речь женщины обычно эмоциональнее речи мужчины, то на лексическом уровне это может проявиться в большем употреблении аффективной и эмоционально

окрашенной лексики, междометий, метафор, сравнений, эпитетов. В лексиконе женщины больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния. В то же время женщина в своей речи старается избегать элементов «панибратского» обращения: кличек, прозвищ, унижительных обращений-номинаций.

Были обнаружены интересные факты в использовании женщиной и мужчиной прилагательных, обозначающих названия цветов.

У женщины словарь цветообозначений шире. Она употребляет больше специфических названий цветов, многие из которых являются иностранными заимствованиями: «муав», «перванш», «маджента», «беж».

В речи мужчины чаще, чем в речи женщины, встречаются названия основных цветов, насыщенных тонов: красный, черный, темно-синий, женщина же отдавала свое предпочтение розовому, темно-красному, желтому и голубому. Полученные данные авторы объясняют различиями в сфере занятий женщины и мужчины.

Изучалась и частота употребления отдельных частей речи. Было установлено, что в речи женщины больше сложных прилагательных, превосходных степеней качественных прилагательных, наречий и союзов. Женщины в своей речи чаще использовали конкретные существительные, а мужчины — абстрактные. Относительное количество существительных, приходящихся на одно высказывание, в речи мужчины значительно выше. Было отмечено, что мужчины больше пользуются глаголами активного залога, а женщины пассивного. Объясняют это тем, что мужчина в обществе занимает более активную позицию, нежели женщина. В речи мужчин вопросительных, повелительных и отрицательных предложений больше, чем в речи женщины (особенно четко эти различия видны в использовании повелительных предложений). Следует подчеркнуть и то, что на выражение мыслей одного содержания женщина тратит больше слов, чем мужчина.

Было замечено, что одной из наиболее характерных черт речи женщины является ее стремление к употреблению «престижных» (то есть ориентированных на установленный обществом образец) языковых правил и норм, тогда как речь мужчины более небрежна и раскрепощена.

С социальной престижностью связан и тот факт, что женщины в своей речи больше, чем мужчины, используют литературные формы слов и образцы речи. Женщина ориентируется на «открытый» социальный престиж, т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу: к отклонению от установленных норм и правил общения.

С понятием «социальной престижности» тесно связано понятие «стереотипа пола». Это система обусловленных предписаний того, что должна делать и какой быть в обществе женщине, а каким — мужчине: в поведении, навыках, помыслах, устремлениях, характере, внешнем виде и пр. Отклонения от нормативных образцов поведения (в том числе и речевого) для женщины в гораздо большей степени грозят опасностью общественного отторжения, чем для мужчины. Отсюда и более вежливый, «предупредительный» характер разговора у женщины.

Влияют на степень проявления различий в речевом поведении и такие социальные факторы, как уровень образования, социальное окружение, профессиональная деятельность. Некоторые ученые отмечают, что с повышением уровня образования стираются различия в вербальном поведении мужчины и женщины. Характерно, что у представителей средних слоев наблюдается самая высокая степень различий в речи мужчины и женщины, а также самая высокая ориентация женщины на «корректные», «престижные» формы языковых выражений.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что, несмотря на различия в речи, мужчина и женщина говорят на одном языке, опираются на один и тот же набор лингвистических норм. При

оценке различий в вербальном поведении полов нужно иметь в виду и обстановку, в которой проходит общение.

Последнее замечание очень важно для понимания некоторых — но принципиальных — отличий в постановке вопросов, которые решает

Автороведческая экспертиза

и историко-литературоведческая атрибуция. В последнем случае все же основным является положение, когда исполнитель и автор текста — одно лицо. Действительно, трудно представить, чтобы Салтыков-Щедрин писал под диктовку Клеменса, а Чернышевский — под диктовку Бибикова, равно как и наоборот. Поэтому в исторических и литературоведческих атрибуциях ищется определенное лицо: автор-исполнитель^[5]. В большинстве же случаев при назначении автороведческой экспертизы вопрос ставится совершенно иначе и немного смешно: мог ли быть автором данного текста уже известный его исполнитель? Дело в том, что экспертному криминалистическому исследованию подлежат, как правило, тексты, написанные рукой заведомо известных лиц, чаще всего проходящих по возбужденному уголовному или гражданскому делу в качестве свидетелей, подследственных, обвиняемых. И вот эти-то собственноручные признания, показания, заявления в ходе дальнейшего расследования нередко вдруг отвергаются написавшими их лицами. Причины отказа могут быть самыми разными. Нам будут интересовать только две, но чаще всего встречающиеся причины, заставляющие человека изменить свое отношение к ранее сделанному заявлению.

Первая: отказ от ранее данных собственноручных показаний объясняется воздействием на содержание показаний других лиц. При этом, разумеется, лицо, давшее показания, не отрицает своего исполнения, но отрицает свое авторство, сообщая, что показания давались с «помощью» работников правоохранительных органов. Реже — воздействием заинтересованных лиц, не участвующих непосредственно в процессе (родственники, знакомые, сокамерники). Понятно, что в такой ситуации бессмысленно ставить вопрос о поиске действительного автора. Поэтому перед автороведческой экспертизой вопрос ставится так: можно ли исполнителя текстов, переданных на исследование, считать автором этих текстов? Ответ должен быть лаконичным: «Да» или «Нет»^[6]. Иллюстрацией сказанного может служить краткое описание следующего уголовного дела.

В один из зимних вечеров одиннадцатилетняя Н. И. ушла на каток и домой не вернулась. Через два дня ее расчлененный труп был обнаружен на платформе городского вокзала. По подозрению в совершении изнасилования и убийства Н. И. был задержан 35-летний СВ. В начале следствия СВ. отрицал свою причастность к совершению преступления, но позже он вину признал и неоднократно писал чистосердечные признания, в которых описывал картину совершенного изнасилования Н. И., но отрицал свою причастность к ее убийству. Через десять дней после последнего признания им было подано заявление, в котором он полностью отказался от своих чистосердечных признаний. Еще через месяц СВ. захотел показать место знакомства с соучастником совершенного им преступления, а после проведения следственного эксперимента заявил, что в действительности преступления он не совершал, и все показанное и рассказанное им является выдумкой. Однако, прочитав протокол проверки своих показаний на месте совершения преступления, он собственноручно уточнил приметы похищенной девочки, иные обстоятельства дела. Потом СВ. еще несколько раз признавался в совершении преступления, им даже написано чистосердечное признание на имя Генерального прокурора СССР, в котором СВ. признал свою вину в совершении не только изнасилования, но и убийства малолетней девочки. Затем же СВ. вдруг снова стал отрицать свою причастность к совершению преступления. В ходатайстве, написанном после ознакомления с материалами уголовного дела, во время выступления на суде, в жалобе, направленной на имя Генерального прокурора СССР, он заявлял, что все чистосердечные признания сделаны им под диктовку следователя после применения физического и психического насилия.

Так как для установления авторства чистосердечных признаний СВ. необходимы специальные познания, было решено назначить по этому уголовному делу психолингвистическую (автороведческую) экспертизу. Ответ на основной вопрос: является ли СВ. действительным автором своих признаний? — был отрицательным.

Вторая причина отказа от ранее сделанных собственноручных признаний — раскаяние в даче заведомо ложных показаний. Примером подобной ситуации может служить следующее дело.

Подследственная, задержанная за спекуляцию, в своем объяснении случившегося, в частности, указала, что вынуждена была дать взятку довольно высокопоставленному должностному лицу. Понятно, что уголовное дело тотчас приняло несколько иное направление: дача взятки должностному лицу влекла за собой привлечение этого лица к уголовной ответственности (разумеется, при подтверждении заявления, сделанного подследственной). Всего на протяжении почти двух лет подследственная сделала три собственноручных заявления, в которых она сначала подтверждала взятку, а затем отказалась от этого и созналась, что оговорила упомянутое должностное лицо. Мотивы оговора: 1) намек на желательность такого поворота событий со стороны следствия; 2) уверенность в том, что привлечение к делу высокопоставленного лица, да еще в качестве соучастника, будет способствовать если и не прекращению дела, то уж во всяком случае смягчению приговора. Понятно, что следствие не могло удовлетвориться двусмысленностью положения: взятка — это одна статья УК; дача ложных показаний — другая. Перед экспертами был поставлен вопрос: позволяют ли выявленные языковые признаки текстов заявлений, переданных на исследование, утверждать, что эти тексты принадлежат именно исполнителю? Ответ был положительным. Это означает, что из названных обвиняемой мотивов оговора, вероятнее всего, имел место только второй: заведомо ложное показание (оговор) дано с целью облегчить свою участь.

Эти примеры выбраны не случайно: легко заметить, что влияние на «авторство» собственноручных показаний оказывается как сугубо «извне» (со стороны заинтересованных лиц или со стороны обстоятельств), так и «изнутри» (заведомо ложные показания, обусловленные собственными мотивами автора). Приведем пример «чистого» случая дачи ложных показаний, абсолютно исключаящий какое-либо влияние со стороны. Анализ этого случая более сложный, нежели анализ альтернативы «да — нет», так как здесь снова сливаются «исполнитель» и «автор». Причем «автор» выступает в двух ипостасях: автор, знающий истину, и автор, намеренно искажающий истину.

Произошла кража, в том числе наличных денег, принадлежащих учреждению. Проводимое правоохранительными органами расследование обнаружило обстоятельства, свидетельствующие о возможном участии в преступлении кого-то из членов этого коллектива. Расследование затянулось. Многие сотрудники этого учреждения тоже склонялись к мысли о причастности кого-то своего к этой краже.

Вопросы, поставленные перед автороведческой экспертизой, были следующими: 1) можно ли на основании имеющихся изложений собственных версий работников этого учреждения сделать вывод о причастности кого-то из них к произошедшей краже? 2) можно ли на основании тех же текстов говорить об искренности выдвинутых версий случившегося, то есть правдивы ли все изложенные версии?

На экспертизу были представлены тексты, в которых каждым членом коллектива излагалась собственная версия случившегося.

Гипотеза экспертного исследования состояла в следующем. Отношение любого человека к излагаемой версии какого-либо события может быть выражено по крайней мере в двух планах: 1) человек излагает собственную, полностью им созданную версию; 2) он излагает чужую версию как свою (например, позаимствовав эту версию из каких-то независимых источников). Психологически эти отношения окрашиваются в разные эмоциональные тона, так как

внутреннее сознание человека принимает их по-разному. Если версию излагает участник преступления, то действительные события им, естественно, скрываются, и возникает ложная версия, которая находится в конфликте с действительной версией. Это повышает эмоциональное напряжение, что выражается в следах так называемого остаточного аффекта. Этот остаточный аффект и диагностируется с помощью используемых методов^[7]. Конечно, следы аффекта могут возникать и не только в связи с участием в преступлении, а из-за индивидуально-психологических особенностей автора версии. Но, как показало исследование, среди авторов анализируемых текстов нет таких, которые бы могли быть отнесены к личностям, склонным к тем или иным психическим аномалиям, ситуативным срывам.

Результат показал, что все без исключения авторы используют придуманные версии, но излагают их по-своему. Это может быть объяснено только тем, что со времени кражи до момента изложения авторами своих версий прошло достаточно много времени для того, чтобы все члены коллектива сформировали о них собственное представление (причем в условиях частого общения между собой). Иначе говоря, это описание практически одной коллективной версии, но разными людьми, то есть это «изложение», но не «сочинение».

Но если версию все передают одинаково, то верят в нее авторы по-разному. Малопринимлемой эта версия оказывается только для некоторых авторов. О трудности удерживания идеи версии для этих авторов говорит такая особенность речевого поведения, как выстраивание событий в строго последовательный ряд (диахрония). Только диахрония (во всяком случае, это наиболее простой способ) позволяет четко контролировать событийность сообщения (версии), то есть его правильность с точки зрения автора.

Еще одна черта речевого поведения, характерная для обозначенных авторов, подтверждающая некоторую «отчужденность» содержания излагаемых версий от внутреннего сознания этих авторов: для них в большей степени, чем для остальных, характерен внутренний диалог, то есть как бы постоянное общение с внутренним собеседником, а это средство контроля за правильностью своего сообщения. При анализе индивидуально-психологических особенностей личностей этих авторов обнаружили определенные подтверждения сказанному. Прежде всего это более заметная склонность у них к «застреванию» аффектов, то есть продолжительному эмоциональному переживанию стрессовых, ярко окрашенных событий. В то же время эти авторы устойчивы в настроении, а это способствует длительному «отслеживанию» событий (особенно негативных) в излагаемой версии. Наконец, они весьма коммуникабельны (общительны), склонны к установлению и поддержанию широких, хотя и неглубоких, межличностных контактов.

Вывод сводится к следующему: ответ на первый вопрос не может быть дан в категорической и однозначной форме, но косвенные свидетельства указывают на то, что некоторые лица умышленно искажают известные им факты, касающиеся произошедшего преступления.

Глава III. Атрибуция и персонификация

Автор настоящей работы глубоко убежден, что атрибуция должна основываться не только на принципе идентификации (сравнительный анализ спорного и аутентичного произведений), но и «выводить» исследователя на личность автора спорного произведения. Иными словами, атрибуция должна играть самостоятельную роль — роль научного направления — не менее существенную, чем дисциплины, традиционно «поставлявшие» методы расшифровки анонимного текста.

Академик В. В. Виноградов выделяет одиннадцать принципов атрибуции: I. Субъективные: а) субъективно-коммерческие; б) субъективно-конъюнктурные; в) субъективно-эстетические; г) субъективно-психологические; д) субъективно-идеологические. II.

Объективные: а) документально-рукописные (археологические); б) исторические (биографии, введения современников и пр.); в) историко-идеологические и сопоставительно-идеологические; г) историко-стилистические (принцип избирательности индивидуально-характерных слов, выражений, конструкций); д) художественно-стилистические (закономерности и обобщения истории стилей художественной литературы); е) лингво-статистические.

До сих пор этот список вполне исчерпывал все возможные подходы к решению проблемы спорного авторства. Но как только мы поставили вопрос о выявлении существенных признаков человека-автора в созданном им тексте, становится ясным, что приведенный список не полон. В нем отсутствует принцип атрибуции, базирующийся со стороны метода — на объективных фактах, со стороны цели — на выявлении характеристик личности автора, со стороны предмета — на изучении внутренних структур текста. Понятно, что этот принцип диктует переход

От сравнения текстов к личности автора.

А. Эйнштейн как-то остроумно заметил, что Господь изощрен, но не злонамерен. В нашем случае это подтверждается следующим наблюдением.

Ученые установили (а любой человек принимает, пусть и интуитивно, но без возражений), что речь человека раскрывает характер говорящего (пишущего). Об этом говорят знаменитые афоризмы, например: «Стиль — это человек» (Ж. Бюффон). Правда, есть одно «но»: это обстоятельство доказано теоретически, но в практическом отношении оно остается до сих пор не реализованным. Весь вопрос в том: какой объем текста необходим, чтобы сделать психологический вывод об авторе-человеке? Ученые нашли ответ: минимальный объем должен составлять 5 тыс. слов. Следовательно, имея такой объем, технически несложно, используя ЭВМ, рассчитать уравнения, связывающие количественные признаки речи (например, частоту встречаемости тех или иных частей речи в предложениях) с психологическими характеристиками автора. Этот расчет проводится на основе, например, такого эксперимента: тысячу испытуемых (подобранных так, чтобы они отражали разные социальные, демографические, этнические, культурные и другие признаки базового социума) просят написать (наговорить) текст объемом не менее 5 тыс. слов. Затем каждого испытуемого исследуют с помощью количественных психологических методик, чтобы определить основные свойства личности. Всю информацию — количественные характеристики языка и количественные характеристики психологического облика автора — вводят в ЭВМ и по известным программам рассчитывают связь между этими характеристиками в виде уравнений, где независимыми входными параметрами (управляющими) служат характеристики языка, а зависимыми выходными (управляемыми) — характеристики личности автора. И все. Вопрос будет решен. Другое дело, что, во-первых, найденные связи будут весьма «изощренными» (громоздкими, труднообъяснимыми), и во-вторых, их использование возможно только, если текст содержит не менее 5 тыс. слов. Главное же — это практически непреодолимые трудности в постановке подобного эксперимента, его «чистоты». Но если мы хотим добиться того же результата применительно к текстам, объем которых на порядок ниже (500 слов), то приведенная схема эксперимента вообще не пригодна. Тогда единственный путь — обращение к субъективным оценкам, или, как принято говорить, к «экспертам».

В подобном варианте смысл исследования состоит в поиске модели, заменяющей реальную экспертную группу. А это вполне решается современными методами! психолингвистики и вычислительной техники. К настоящему времени уже создано немало подобных экспертных систем, то есть технических устройств на базе ЭВМ, решающих вопросы, которые ранее (со времен Древней Греции в Дельфах, где оракул предсказывал исход намечаемого предприятия) решались только человеком. И такая система была разработана применительно к задачам атрибуции и персонификации, сообщения о ней стали появляться в научной печати начиная с 1975 года.

Почти целое столетие проводятся атрибуции, источник и мотивы их неисчерпаемы. Но до

настоящего времени не было атрибуций, затрагивающих личность автора текста (мы не говорим здесь об эвропатологии — дисциплине, изучающей одаренность личности, так как это самостоятельная большая и печальная проблема). Первая такая атрибуция решала вопрос:

П. А. Бибиков или Н. Г. Чернышевский?

Сразу же поставим вопросы, на которые нам нужно ответить. Во-первых, почему в значительном арсенале методов установления спорного авторства, которые привлекаются в исторических исследованиях, отсутствуют методы психолингвистического направления? Во-вторых, не следствием ли указанной обстоятельства является то, что методы атрибуции в исторических исследованиях все более отдаляются от исходной своей задачи — анализа анонимных текстов с целью установления их авторства?

Лингво-статистические методы атрибуции (статистический анализ распределения языковых единиц в тексте) при общем повышении их надежности становятся все менее пригодными для атрибуции отдельного текста. Парадоксальность этого вывода лишь кажущаяся. Дело в том, что надежность метода атрибуции прямо зависит от объема текста и поэтому исследователи идут по «обходному» пути: они находят задачи для лингво-статистических методов идентификации текстов большого объема (отсюда надежность методов). Основная причина этого «обхода» ясна — невозможность напрямую преодолеть минимальный порог объема текста, при котором еще возможна его атрибуция. Ставя же вопрос о признаках авторского своеобразия, необходимо иметь большой текст. Таким образом, происходит постепенное смещение задач атрибуции в исторических исследованиях — от установления автора анонимного текста к установлению признаков авторского своеобразия текста.

Вопрос об авторстве книги «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова» возник в 1979 г., когда советский литературовед А. П. Могиланский предположил, что автором этой книги является Н. Г. Чернышевский, а не П. А. Бибиков. Аргументация А. П. Могиланского далеко не беспорна. Но точка зрения была высказана, последовала и реакция. Вначале Могиланского поддержали некоторые ученые, отмечая, что брошюра была написана при прямом участии Чернышевского, и появление ее связано с конфликтом между «Современником» и «Библиотекой для чтения», которую редактировал в это время А. Писемский. Затем последовало столь же безоговорочное заявление о том, что эта версия ни на чем не основана.

В этих дискуссиях аргументы, приводимые «за» и «против», основывались на предположениях и позволяли спорящим не доказывать истинность выдвигаемой версии, а утверждать правомерность именно своей точки зрения.

Понятно каше стремление проверить действенность метода на текстах, авторы которых заведомо известны. Для нас такими авторами являются Н. Г. Чернышевский и П. А. Бибиков. Контрольные тексты Чернышевского были взяты из статей «Возвышенное и комическое» и «Сочинения Пушкина», контрольные тексты Бибикова — из статей «По поводу одной современной повести. Нравственно-критический этюд» и «Третье сословие во Франции до революции (статья первая)». Результат идентификации указанных текстов вполне однозначен: тексты, авторство которых по результатам контрольного исследования приписывается Чернышевскому, действительно принадлежат ему; то же самое следует и относительно текстов Бибикова; но если сравнивать тексты Чернышевского и Бибикова между собой, то обнаруживаются различия между ними.

Теперь попробуем рассмотреть результаты конкретного применения психолингвистического метода. Вначале остановимся на результатах анализа языковой формы выражения «я» автора в спорном тексте.

Из книги «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова» были взяты в случайном порядке три отрывка. Каждый из этих текстов сравнивался с «усредненными» текстами Чернышевского и Бибикова. Результат анализа для наглядности представлен в виде таблицы.

Автор	Текст из книги «О литературной деятельности Н.А. Добролюбова»	Оценка различий
Чернышевский	Первый	Незначимы
	Второй	Значимы
	Третий	Значимы
Бибиков	Первый	Незначимы
	Второй	Значимы
	Третий	Незначимы

Анализ первого отрывка свидетельствует о том, что и Чернышевский и Бибиков могли бы быть его авторами (различия между первым спорным текстом и «усредненными» текстами этих авторов незначимы). Относительно авторства второго отрывка из книги, приписываемой Бибинову, мы должны сделать противоположный вывод: ни Чернышевский, ни Бибиков не являются его авторами, так как различия между вторым спорным текстом и «усредненными» текстами весьма существенные. Автором же третьего отрывка следует считать Бибинова, ибо различия между третьим спорным текстом и «усредненным» текстом, действительно принадлежащим Бибинову, незначимы, тогда как различия между третьим спорным текстом и «усредненным» текстом, действительно принадлежащим Чернышевскому, значимы. Общий вывод сводится к следующему: Бибиков не может быть единственным автором всей книги. Тем не менее в целом результат анализа свидетельствует о большей роли Бибинова в создании этого произведения по сравнению с «долей» участия в ней Чернышевского (Бибиков мог быть автором по крайней мере двух из трех отрывков, тогда как Чернышевский — только одного из трех).

Попробуем оценить полученный результат. На наш взгляд, можно провести методологическую параллель между историко-атрибуционными исследованиями и теми, которые проводятся криминалистической автороведческой экспертизой. Криминалисты четко различают «автора» и «исполнителя» письменного документа. Но, как показывает следственная практика, этих двух понятий оказывается недостаточно для того, чтобы охватить все возможные формы участия в создании текстов. Видимо, одновременно с «автором» и «исполнителем» надо учитывать и участие «составителя» (редактора) письменного документа. Именно редактор, если это необходимо, вносит существенные поправки в рукопись. Если же над созданием текста работают несколько лиц, то текст окончательно перестает быть «авторским».

Чернышевский был очень активным редактором, правил, как он сам это признавал, в своем журнале материалы всех сотрудников, кроме, пожалуй, материалов Добролюбова. Однако следует учитывать, что в период издания книги о Добролюбова он был настолько занят, что часть текущей работы перепоручал сотрудникам, а затем тщательно редактировал подготовленные тексты и писал предисловия.

Итак, возможны следующие решения: первое — поиск предполагаемых авторов хотя бы по некоторым фрагментам спорного текста; второе — прекращение поиска автора, если уже выборочный фрагмент не тождествен контрольному. Наиболее приемлемый путь лежит где-то посередине: с одной стороны, у нас нет оснований даже предположить, что не существуют такие фрагменты, которые принадлежат коллективному автору; с другой — отрицая возможность гипотетического авторства, мы утрачиваем право считать кого-либо возможным составителем текста.

Наш вывод: Н. Г. Чернышевский и П. А. Бибиков являются составителями книги в том смысле, что и тот и другой принимали участие в ее создании (мера этого участия может быть уточнена после анализа всей книги), что соответственно исключает единоличное авторство. Кроме того, весьма вероятно, что книга содержит фрагменты, не принадлежащие ни Чернышевскому, ни Бибинову.

Итак, этот результат мы получили благодаря методу атрибуции через идентификацию. Психолингвистический же анализ текста позволяет проводить и «неидентификационные» исследования, которые характеризуют личность автора — психологические свойства и качества человека, создавшего исследуемый текст.

В этой работе мы приводим результаты анализа текстов, заведомо принадлежащих Чернышевскому, поскольку они могут быть соотнесены с аналогичными сведениями, полученными из литературных источников (в отношении Бибикова это сделать гораздо труднее, так как сведений о нем почти нет).

Итак, анализ этих текстов позволил нам сделать следующие выводы.

Автор обнаруживает склонность к нарушению общепринятых социальных норм, причем склонность или маскируется, или проявляется в «узаконенных» (социально-приемлемых) формах. Наблюдается повышенное внимание к эмоциональным оттенкам отношений, сентиментальность, широта интересов, отсутствует потребность показывать свое превосходство над другими, неагрессивность. Автор чувствителен, раним, мягкосердечен. Имеются и элементы тревожности, выражающиеся в ощущении своей слабости, незадачливости, незащищенности, вины. Отсутствует потребность в проявлении своей значимости и силы во взаимодействии с окружающими. Несогласие с принятыми формами поведения выражается с помощью иронии, но может осуществляться и через отказ от общения. Самооценка автора неустойчива, он пессимистически смотрит на будущее, внутренне напряжен, тщательно контролирует свое поведение, блокирует появление агрессивных намерений. Стремление автора к межличностным контактам вызвано интересом к людям. Характерные черты — общительность, эмоциональность, отзывчивость. Наблюдается также интерес к общественным обязанностям. Интерес к общественной деятельности диктуется чувством долга, моральными и этическими нормами. В то же время контакты могут служить источником тревоги и эмоционального напряжения. Автор ориентируется на «жесткие» кодексы и склонен к морализации.

Если сравнивать эти данные с характеристиками Чернышевского, принадлежащими его современникам, то надо отметить их схожесть.

Вот некоторые примеры: «Он был несколько более среднего роста, с необыкновенно нежным, женственным лицом; волосы светло-желтые, но волнистые, мягкие и красивые; голос его был тихий, речь приятная, вообще это был юноша, как самая скромная, симпатичная и невольно располагающая к себе девушка». «По своей застенчивости Ч. не мог говорить в большом обществе, но в кругу близких лиц, забыв свою робость, он говорил плавно и даже увлеченно...». «За одну ночь столько перемен бывало с ним. То он поет, то танцует, то хохочет вдруг громко, то говорит сам с собой, то плачет навзрыд...». «В эти годы он еще реже, чем прежде, открывался даже близким ему людям». «Будучи бойким, резвым и разговорчивым со своими сверстниками, знакомыми ему, Н. Г. отличался особенно застенчивостью в чужих домах, особенно мало ему знакомых». «Общество Н. Г. Чернышевский очень любил; у нас же часто бывали гости, и тогда обязательно должен был присутствовать и Н. Г. Собиралась вокруг него группа, и он весь вечер говорил без умолку». «Первый раз пошел Н. Г., и ему заявили, что сам хочет его видеть. Н. Г. присел на стул и стал ждать. Открывается дверь, и входит губернатор. Н. Г. продолжает сидеть. „Здравствуйте!“ — говорит губернатор. „Здравствуйте!“ — отвечает Н. Г. и продолжает сидеть. „Вы знаете, кто я?“ — „Нет“, — говорит Н. Г. совершенно невозмутимым голосом и продолжает сидеть. „Я губернатор“. — „Очень приятно“, — заявляет Н. Г. и не думает встать. „Да Вы знаете, что нужно встать, когда с Вами говорит губернатор!“ — кричит последний. „Что же, можно и встать“, — говорит спокойным голосом Н. Г. и не спеша поднимается со стула. Чернышевский, а равно его ученик Добролюбов очень часто любили выражаться иронически и иносказательно, и их выражения многие понимали в буквальном смысле». «Ч. отличался ехидством языка, и чуткая молодежь умела отлично читать между строками его революционное отрицание всякой власти». «Он как бы ставил себя на второе место и старался согреть, обласкать, приблизить». «К несчастью, большей частью все его разговоры, по

крайней мере при мне, носили иронический характер; он отделялся шутками или аллегориями... или давал такие ответы, которые могли понять и так, и этак, а иной раз и вовсе понять нельзя. Все же-таки из его отзывов и мнений (...) я составил себе представление, что он был крайне неважного мнения о царе и его министрах и убежден был в том, что им не справиться с послевоенной разрухой, с недовольством крестьян положением об их освобождении, с предстоящими внутренними реформами, а в особенности с начавшимся польским восстанием».

Разумеется, вопрос о соответствии психологического описания личности автора описанию его обычного поведения нуждается в дополнительном специальном рассмотрении. В данном случае мы апеллируем к способности читателя интуитивно соотнести эти описания.

В заключение подведем некоторые итоги.

Соглашаясь с тем, что «историку, занимающемуся определением авторства, необходимы глубокие познания не только в различных вспомогательных исторических дисциплинах, но и во многих аспектах филологической науки», добавим: ему также нужно и знание основных психологических постулатов. Мы считаем, что внедрение психолингвистических методов в исторические исследования — единственный путь, возвращающий исходный смысл понятию «атрибуция».

Время от времени на непредсказуемом пути развития человеческого духа вдруг разражаются настоящие культурные катаклизмы, подвергающие реальной опасности «экологию» целого культурного слоя. Очередной такой катаклизм давно зреет, и центр его коренится в сомнении, что

М. А. Шолохов — автор «Тихого Дона»

Без преувеличения можно говорить, что этот случай в истории отечественной литературы, более того в истории отечественной культуры, уникален. Практически с первой публикации романа стали распространяться слухи о плагиате, не прекращающиеся уже более шестидесяти лет. Самому автору — Михаилу Шолохову — пришлось защищать себя от подозрений в плагиате. Обывательские слухи скоро превратились в альтернативные мнения серьезных исследователей. Новый, уже поддержанный авторитетом нобелевского лауреата А. И. Солженицына виток полемики вокруг авторства Шолохова возник в 1974 г. после публикации работы, в которой автор, скрытый под псевдонимом Д, оспаривает авторство Шолохова и приписывает роман некоему Ф. Крюкову. Выбор Крюкова на роль автора «Тихого Дона» не случаен.

Во-первых, он к началу 20-х годов был достаточно известным писателем, в произведениях которого часто встречались мотивы жизни донского казачества. Во-вторых, он сам был казаком, хорошо знал и любил язык и быт казачества. В-третьих, он был участником многих событий, описанных в романе. Наконец, могло сказаться и то обстоятельство, что Крюков до конца оставался непримиримым борцом с большевиками, а в романе нередко встречаются очень сильные фрагменты, пронизанные духом антибольшевизма, хотя известно, что Шолохов, будучи коммунистом, идеологически далеко отстоял от подобных политических позиций. Это исследование Д. вызвало сенсацию во многом благодаря изощренности аргументации и спекулятивности тематики. Статус «бестселлера» легко завоевывается даже научной работой, когда обсуждается авторство гениального произведения, навсегда занявшего почетное место среди шедевров мировой литературы. Вообще русской художественной словесности часто «не везло» в отношении авторства: начиная с «принципиальной анонимности» древнерусских летописей и кончая вынужденной анонимностью многих произведений «золотого» XIX века. Произведения такого масштаба, как «Тихий Дон», не должны пополнять фонд безымянных памятников мировой художественной культуры. Анонимный шедевр в наше время — это нонсенс. Ошибка же атрибуции гениального произведения — это безнравственность в любое время.

Вновь заговорили об авторстве Шолохова в 80-х годах: достаточно назвать подборку статей в «Вопросах литературы» (№ 8. — 1989) и перевод небольшой книги группы скандинавских соавторов «Кто написал „Тихий Дон“?» (М., 1989). Но, как справедливо отмечено в редакционном предисловии к упомянутой подборке статей, только в настоящее время у нас стало возможным публично обсуждать наши внутренние литературоведческие проблемы. Автор этой брошюры также хотел бы принять участие в этом обсуждении, и в основном потому, что предлагаемый здесь подход не имеет ничего общего с традиционными направлениями атрибуции. Одним из следствий практического использования этого подхода, как отмечалось, является неидентификационное (без цели отождествления аутентичного и спорного текстов) описание авторского «Я». Причем авторское «Я» представлено на двух уровнях: а) языковом — в формах коммуникации (передачи) авторского замысла; б) психологическом — в индивидуально-психологических особенностях личности автора, выраженных в языке текста. Иными словами, представляется возможность говорить об авторе только на основании одного источника — его текста.

На языковом уровне анализа прежде всего необходимо определить, как сам автор относится к идеям, которые содержатся в его тексте, или иначе — определить стратегию речевого поведения. Тут возможны два варианта. Во-первых, автор утверждает чужое «Я» не как объект, а как другой субъект. Иными словами, авторское «Я» и «Я» героев (персонажей) сообщения не сливаются.

Второй же вариант заключается в подчинении всех идей авторскому «Я». В сознании автора идеи произведения образуют единство монологически воспринятого и понятого мира, а не множественность равноправных и независимых идей. Несколько упрощая, можно сказать, что авторское сознание присваивает чужие идеи, делает их своим достоянием, как бы полностью неся ответственность за них перед аудиторией других сознаний (например, перед аудиторией читателей, зрителей).

В тактике речевого поведения будем различать способы передачи замысла сообщения, а именно: монолог, диалог (в двух формах: интра- и интердиалог) и полифонию.

Монолог — это однонаправленное движение идеи из одной пространственно-временной точки «мира сообщения». И безразлично, к кому обращен монолог: к персонажам ли сообщения, или же к читателю, слушателю, зрителю.

Диалог — форма беседы или спора, где различные точки зрения могут поочередно господствовать и отражать разнообразные оттенки противоположных позиций. Мы будем рассматривать две разновидности диалога: интердиалог — когда принадлежащие персонажам или автору точки зрения выражают и позиции собеседника, находящегося вне рамок языковой реальности (например? слушателя, читателя), и интрадиалог — когда различные точки зрения принадлежат только персонажам мира, созданного сообщением.

Неслияние «Я» автора и «Я» героя требует полифонического (многоканального и разнонаправленного) способа передачи замысла. И это вполне объяснимо: существование независимых идей требует и независимых и различных способов их переноса.

Кроме отношения автора к сообщаемым идеям (стратегия) и способов их коммуникации (тактика), необходимо учитывать также временную развертку порождаемых идей. Мы будем различать две формы хронологической связи идей сообщения.

Синхрония — когда события, в которых выражен замысел, существуют и соответственно сообщаются одновременно.

Диахрония — когда события образуют последовательный ряд, раскрывающий замысел.

Перейдем к описанию результатов исследования «Шолохов и „Тихий Дон“». В данной работе мы воспользовались первичной выборкой Г. Хьетсо, приведенной в упомянутой книге скандинавских авторов. Выборки скандинавских исследователей определялись по принципу

«случайных чисел»: ими было отобрано по 10 образцов из шести произведений (2 — Крюкова, 2 — из «Донских рассказов», 2 — из «Тихого Дона»), причем каждый образец включал по 500 слов, что в общей сложности составило 30 000 слов, но все абзацы, содержащие прямую речь, мысли героев и вопросы, исключались. Иными словами, исследование было сосредоточено исключительно на речи автора. Последнее условие бесспорно правильное, но — и здесь мы касаемся основного недостатка лингво-статистического подхода — трудно себе представить десять отрывков по 500 слов, где была бы только авторская речь. А это означает разрывность в содержании отрывков, смысловую эпизодичность. Мы воспользовались этой выборкой в силу двух обстоятельств: а) исследование, проведенное двумя разными методами на одной выборке, конечно, предполагает полный ответ на поставленный исследователями вопрос; б) этому способствовал практически тождественный список распределения частей речи у Хьетсо и в нашем исследовании.

Вот заключение статистической обработки Хьетсо: «...,Т/ихий/ Д/он/» в значительной степени приближается к Ш/олохову/, но очень далеко отстоит от К/рюкова/».

Вывод Хьетсо ясен. Мы берем его выборку (шесть текстов по 5 тыс. словоформ) и с помощью нами рассчитанных математических моделей определяем показатели стратегии, тактики и временной развертки. Затем проводим стандартный статистический анализ различий. Выводы следующие: 1) утверждение о том, что автор «Тихого Дона» Шолохов, но не Крюков, имеет вероятность 0,75; 2) утверждение о том, что автор «Тихого Дона» Крюков, но не Шолохов, имеет вероятность 0,12; 3) наконец, утверждение о том, что авторами «Тихого Дона» являются и Шолохов и Крюков, имеет вероятность 0,12.

Как видим, на более глубоком уровне, нежели уровень грамматической частотной структуры текста, но все же оставаясь на уровне языковых реалий, мы пришли к тем же выводам, что и скандинавские коллеги, которые, подводя итог всему исследованию, отметили: «Как бы то ни было, гипотеза, отстаиваемая Д, не выдерживает пристального анализа».

Естественно, что следующим был вопрос: что нам покажет исследование на уровне индивидуально-психологических особенностей личности автора текста?

Результат компьютерного анализа приведен в сравнительной таблице, где соотнесены психологические характеристики авторов исследованных текстов. Характеристики представлены своими наименованиями, мы их не разворачивали в подробные описания (частично это будет сделано ниже), что заняло бы много места.

Выраженность характеристики	АВТОР/ТЕКСТ		
	Ф Крюков	М Шолохов	«Тихий Дон»
1	Слабовыдержанное побуждение к поступку	Нетипичность представлений	Нетипичность представлений
2	Тревожность	Нарушение социальной адаптации	Дисгармония «Я» с миром
3	Подавленность с общей напряженностью	Дисгармония «Я» с миром	Жалобы на нервозность
4	Избыточная решительность в поступках	Жалобы на нервозность	Отвлекаемость в поступках
5	Жалобы на нервозность	Отвлекаемость в поступках	Продуктивность при безразличии к здоровью
6	Последействие аффектов	Меланхолия	Недоверчивость
7	Враждебность к окружающим	Продуктивность при безразличии к здоровью	Стремление к доминированию
8	Обращенность и себя	Недоверчивость	Демонстрация стремления к доминированию

9	Снижение потребности в поддержке	Стремление к доминированию	Экстра вертированность (ориентации на внешние раздражители)
10	Ориентация на внутренние критерии а поведении	Экстра вертированность (ориентации на внешние раздражители)	Необходимость поддержки
11	Угрюмость	Чувство необходимости в поддержке	Уверенность в себе
12	Стремление к доминированию	Уверенность в себе	Тревожность при высокой активности
13	Обеспокоенность здо-ровьем	Стремление и способность к обучению	Избыточная решительность и раскаяние
14		Исполнительность	
15		Избыточная решительность и раскаяние	Инфантильность
16		Тревожность при высокой активности	
17		Соматические жалобы	
18		Частая смена настроения	

Что можно сказать относительно этого результата? По-видимому, то, что строгий вывод здесь делать преждевременно. Если раньше — на уровне речевого поведения — вероятности «за» и «против» Шолохова (0,75 и 0,12 соответственно) статистически различались, что позволяло однозначно отдать авторство Шолохову, то здесь просматриваются весьма серьезные качественные различия, позволяющие говорить о разных психологических типах. И все же один вывод и здесь звучит вполне убедительно: авторство Крюкова практически должно быть исключено. Что же касается «размытости» психологических границ между М. Шолоховым — автором «Донские рассказы» и М. Шолоховым — автором «Тихого Дона», то здесь ограничимся гипотезой. Но вначале учтем следующие обстоятельства. Первое: разница во времени написания «Донских рассказов» и «Тихого Дона» весьма невелика, всего несколько лет. Второе: художественная мощь «Тихого Дона» несравнима с относительными художественными достоинствами «Донских рассказов». Следовательно, за очень небольшой промежуток времени произошло одно из двух: или личность М. Шолохова потрясающе быстро развивалась, причем только в одном направлении — к гениальности; или был какой-то источник для написания «Тихого Дона». Причем этот источник должен был быть настолько мощным, что смог «создать» самого Шолохова, того, которого мы знаем как автора «Тихого Дона». Другими словами, М. Шолохов бесспорно написал «Тихий Дон», но опирался при этом на какую-то базу (этой базой не обязательно должен быть черновой текст будущего «Тихого Дона»), которая в культурно-историческом отношении одинаково близка всему донскому казачеству (и, конечно, — Шолохову), но для М. Шолохова в определенном смысле стала и формирующей его личность основой, творцом Шолохова-человека, определив основные личностные качества будущего автора «Тихого Дона». И с психологической точки зрения здесь нет никакой мистики (как это имеет место при допущении стремительного развития гениальности): молодой, двадцати-с небольшим-летний человек достаточно быстро осваивает уже имеющийся опыт и нет ничего необычного в том, что этот опыт становится его собственным на всю жизнь. Таким образом, мы придерживаемся идеи, что автор «Тихого Дона» — Шолохов, но при условии, что он сам стал продуктом формирующего влияния какого-то мощного культурно-исторического источника.

Правда, остается еще следующий вопрос: как объяснить, что гораздо более поздние произведения Шолохова (например, «Они сражались за Родину») в художественном отношении не достигают высоты «Тихого Дона»? Гипотеза о наличии источника именно для создания «Тихого Дона» и здесь помогает: обратим внимание на то, что всегда говорилось и писалось о величии, гениальности самого романа, и гораздо реже эти эпитеты относились к автору. Если

источник существовал для «Тихого Дона», то это вовсе не означает, что существовал источник для других, более поздних произведений. Гениальный роман мог «сделать» талантливого человека, но даже талантливый теперь человек не создаст гениального романа.

Глава IV. Личность и текст

Два очерка персонификации выдающихся деятелей современности, которые мы приводим, опираются на метод, о котором рассказано выше, не имеющий аналогов, во всяком случае в гуманитарной отечественной науке.

Гениальные художники слова — весьма заманчивый объект исследования потому, что своим трудом они дают потомкам обильную пищу для многоаспектного анализа не только своего литературного творчества, но и своей жизни, своего окружения, своей эпохи. Но творцами общественного бытия являются и общественно-политические деятели, хотя они далеко не всегда так же разнообразны в своих работах (исключая, конечно, работы, касающиеся политической жизни). К личности таких деятелей всегда будут обращаться в будущем, и одним из способов познания станет персонификация — проявление черт творца в созданном им произведении.

Итак,

персонификация текстов И. В. Сталина.^[8]

В краткой форме итог анализа речевого поведения автора рассмотренных текстов выглядит таким образом: И. В. Сталин использует следующую схему речевого поведения: принимая идеи чужого «Я», он не связывает их с идеями собственного сознания, чужие сознания остаются за порогом сознания автора. Автор не использует полифонию, а применяет промежуточную форму — интердиалог, как бы разделяя авторство с другими. Внешним выражением подобной позиции может быть произвольная замена в авторской речи (как внешней, так и внутренней) местоимения «Я», местоимением «Мы».

Автор как бы имеет перед собой сверхзадачу, которой подчиняет не только чужие — ставшие своими — идеи, но и чужие — не ставшие своими, однако разделяемые им для решения поставленной цели. Автор придерживается правила: для достижения цели пригодны все идеи: и свои, и чужие.

Языковые особенности, отражающие речевое поведение автора, характеризуются бедной лексикой, повторяемостью мысли, материал излагается монотонно и скудно.

По нашим данным, автор принадлежит типу личности, который принято называть «интровертированный». «Чистых» психологических типов практически не встречается. Интровертированная личность живет не столько своими восприятиями и ощущениями, сколько представлениями. Внешние события влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интроверт приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывают его прежние представления, жизненный опыт. Определенная степень интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но в данном случае направленность сильно выражена, а это может означать, что личность все более отдаляется от действительности, и в конечном итоге возможно настолько глубокое погружение в мир своих представлений, что все меньше и меньше объективно принимается в расчет воспринимаемое внешнее окружение. Идеи уже не подвергаются достаточному анализу и теряют опору в реальности. Нередко эти личности носятся с идеями исправления жизни на земле, излюбленная пища для мышления — проблемы религии, политики, философии. Заметна выраженность педантических черт характера, что проявляется, например, в склонности предварительно обдумывать (часто длительно) последствия своих поступков. Возможно, что эта склонность перерастает в навязчивость, и вследствие таких постоянных, разъедающих душу сомнений

возникает болезненный страх. Такой человек не может отодвинуть от себя ни проблему, ни тягостную думу, он должен еще и еще раз все перепроверить, все взвесить, еще и еще раз пытаться все понять. Но «отсрочкой» действия не ограничивается характер рассматриваемой нами личности. Здесь проявляется отнюдь не робость (как это могло бы показаться) при выборе решения, а наоборот — непримиримость, упорство, решительность. Кажущееся противоречие исходит из таких черт характера личности, как неспособность к ликвидации последствий аффективных состояний. У таких людей действие аффекта прекращается медленно, и стоит лишь им вернуться мысленно к ситуации, вызвавшей аффект, как немедленно оживают и сопровождавшие стресс эмоции. «Застревание» аффекта наиболее ярко проявляется тогда, когда затронуты личные интересы. Аффект в этих случаях оказывается ответом на уязвленную гордость, на задетое самолюбие, поэтому их часто характеризуют как злопамятных или мстительных людей. Особенно характерная черта людей такого типа — честолюбие, и когда они встречают помехи на пути своих эгоистических устремлений, у них часто возникает подозрительность, недоверие, мнительность.

До сих пор мы касались таких черт личности, которые определяют направленность ее интересов и форм их достижения. Но не менее важны и особенности мотивов развития эмоциональных состояний, определяющих «энергетику» поведенческих реакций человека. В этом отношении автор принадлежит к личностям, для которых характерна смена настроения: от серьезности, озабоченности, сосредоточенности (часто по поводу драматических сторон жизни) к приподнятости настроения, жажде деятельности, словоохотливости. Причем эти колебания настроения не равномерны, автору гораздо ближе состояние «печального тона».

Если теперь вспомнить, что было сказано об особенностях стратегии речевого поведения автора, то следует сделать следующий вывод. Когда автор «опредмечивает» чужие идеи и в сочетании со своими идеями делает их предметом своего сознания — то есть монологически воспринимает и понимает мир, — то это сопровождается субдепрессивным (неглубокая депрессия) состоянием психики, отрицательными эмоциями и слабой мотивацией. Когда же автор, пусть нечасто, допускает в поле своего «Я» и чужие сознания, но главное — допускает их независимость, то это сопровождается гипоманиакальным (возбужденным) состоянием, положительными эмоциями. Такая картина личности весьма необычна. Попросту говоря, автор испытывает положительные эмоции, у него повышенное настроение, высокая работоспособность, оптимистическое отношение к жизни и т. п. только тогда, когда он включает готовые чужие идеи (чужие сознания) в сферу идей своего сознания, без подчинения первых своему «Я». Он как бы говорит: «Я разделяю эти идеи, но они мне не принадлежат, ответственность за них несут другие». Тогда же, когда авторское «Я» подчиняет себе чужие идеи, а следовательно, и несет за них ответственность, состояние автора пессимистично со всеми (описанными выше) вытекающими проявлениями. Кстати, следует упомянуть один штрих в субдепрессивной фазе автор склонен нередко задумываться о состоянии своего здоровья и, при возможности, избегает отрицательно влияющих на него факторов.

Мы исследовали — причем выборочно, в отдельных фрагментах — работу, написанную И. В. Сталиным еще в 1913 г., то есть задолго до тех социальных и экономических перемен, которые изменили лицо Российского государства. Автор стоял у руля большинства из этих преобразований, но в 1913 г. об этом еще никто не мог догадываться. Тем самым мы как бы создаем «мемориальный проект» личности человека, оставившего эпохальный след в XX веке.

Пожалуй, трудно найти более контрастный антипод И. В. Сталину, нежели Н. И. Бухарин. Поэтому не случайно, что следующая наша тема:

персонализация текстов Н. И. Бухарина.^[9]

Характерной чертой стратегии речевого поведения автора является то, что такие ее составляющие, как слияние и подчинение всех идей авторскому «Я» и присвоение чужих идей, при котором, однако, не происходит слияния авторского сознания с сознанием чужого «Я»,

одинаково ярко выражены. На первый взгляд это кажется невозможным, так как «субъектность» и «объектность» — противоположные понятия. Но объяснение здесь единственное и простое: даже в тех — небольших по объему — текстах, которые исследовались, присутствуют фрагменты, выражающие или субъективные, или объективные позиции автора. Иными словами, стратегия автора весьма подвижна, продуцируемые идеи легко переходят из сферы авторского «Я» в сферу «Я-чужое». И наоборот: авторское сознание, легко удерживая, ассимилируя чужие идеи, также легко отчуждает их от себя. Здесь отсутствует даже намек на какую бы то ни было инерцию позиции автора к порождаемым им идеям. Но это означает — если следовать широко распространенному среди психологов взгляду на интеллект как на «понимание отношений», — что автор демонстрирует высокоинтеллектуальные способности. Автор одинаково уверенно и легко оперирует идеями чужого сознания, подчиняя их своей воле, формируя из них свой (личностный) смысл, однако, отчуждая их от идей своего сознания; та же уверенность и легкость характерны и в отношениях к идеям, ставшим полностью достоянием авторского «Я», слившихся в ядро авторского сознания. Отметим еще одну характерную черту стратегии речевого поведения автора: эта стратегия развивается, она далека от точки своего завершения.

Тактика речевого поведения автора может быть охарактеризована как монологическая «проповедь». (Другие формы тактики — диалог и полифония малосущественны для характеристики специфики языковой деятельности автора.) Монолог — наиболее простая форма передачи замысла и в то же время весьма требовательная к субъекту, порождающему этот замысел. Напомним, что монолог — это одностороннее движение речевого сообщения: от автора к аудитории. Следовательно, при этом нет обратной связи. Это обстоятельство предъявляет определенные, но жесткие требования к автору: убежденность в занимаемой позиции, ответственность за содержание и *gr*. Не случайно поэтому, что менторский, поучающий тон монолога, исходящий от малообразованного лица, воспринимается скептически и имеет обратное целевой установке автора действие. И наоборот, убежденность, аргументированность, эмоциональность, красноречивость часто способствуют достижению поставленной автором цели, независимо от реакции аудитории. В рассматриваемом случае — имея в виду сказанное выше относительно интеллектуальных способностей автора — Н. И. Бухарина следует отнести к типу трибуна, прекрасного оратора, вполне владеющего аудиторией интеллектуального лидера.

Акты речевого поведения реализуются во времени, поэтому желательно рассмотреть и с этой стороны тактику речепорождения автора. Временная развертка событий, сообщаемых в исследованных текстах, синхронична (диахрония слабо выражена). Синхроничность в речевом поведении — особенно если это устойчивый признак — является прямым свидетельством эрудиции автора. Действительно, синхронное изложение событий в более или менее продолжительном монологе требует достаточно большого объема разнообразных знаний.

Психологический анализ текстов Н. И. Бухарина показал следующее. Автор принадлежит к экстравертированному типу личности. Экстравертированные личности ориентируются в мире, опираясь прежде всего на конкретные факты. При экстравертированности в мыслях и поведении преобладает «мир восприятий», такой человек принимает объективную действительность такой, как она есть. Цели деятельности, способы ее достижений и даже сами мотивы поведения экстраверта всегда продиктованы средой его обитания (биологической, социальной, экологической). Обычно это общительные люди, легко устанавливающие контакты с другими людьми, быстро адаптирующиеся в новом окружении, нередко являющиеся любимцами различных сообществ. Это люди-практики. Но — и здесь мы сталкиваемся с яркой неординарностью психического склада личности Н. И. Бухарина — среди экстравертов трудно найти высокоинтеллектуальных людей, мыслителей, духовных «пастырей», глубоких теоретиков. Бесспорный авторитет современного немецкого психиатра Карла Леонгарда заставляет нас вообще усомниться в существовании экстравертов интеллектуального плана. «Для экстравертированного человека характерно проявление чисто внешней активности, не зависящей от мыслительных процессов...» — и более того: «При некоторой поверхности мышления все, поступающее извне, не подвергается особому анализу. Это обуславливает подверженность

чужому влиянию и легковерию (выделено *К. Л.*). Но конечно же, Леонгард далек от утверждения ущербности (интеллектуальной и волевой) экстравертов. Им приводятся примеры компенсации столь «легкомысленной» ориентации экстравертов в жизни. И один из таких нетипичных примеров мы находим в нашем исследовании.

Речь идет о случае, когда явно выраженная экстравертированность поведения сочетается с пониженным настроением. У Н. И. Бухарина мы находим признаки именно субдепрессивного темперамента, склонности к депрессии. Парадоксально — применительно к Н. И. Бухарину, — но личности этого типа по натуре серьезны и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных, однако серьезная настроенность выдвигает на передний план тонкие, возвышенные чувства, несовместимые с человеческим эгоизмом. Весьма редкое сочетание — склонность к раздумьям, самоанализу, что свойственно субдепрессивному темпераменту, при ориентации поведения на внешние раздражители — способствует плодотворному накоплению знаний, и в итоге — положительно сказывается на развитии интеллектуальных способностей. Сосредоточенная озабоченность негативными сторонами жизни способствует нравственному очищению личности. Поэтому для таких людей бывает чрезвычайно трудно переступить границу этических норм, социальных запретов, конформистских установок. Когда в жизни такого человека происходит нечто важное, он реагирует уже не со свойственной «чистому» экстраверту поверхностью, но глубоко эмоционально, он долго не может «отключиться» от стрессовой ситуации.

Итак, с одной стороны, мы наблюдаем любителя шуток, находчивого искателя развлечений, оптимиста, очень деятельного, нетерпеливого, заметно агрессивного, не сдержанного в проявлении чувств, наконец, человека, на которого не всегда можно положиться; с другой стороны — склонного к раздумьям, самоанализу, глубоко переживающего негативные стороны жизни, стремящегося к моральному очищению, обладающего способностью к получению и использованию различных знаний, наконец, человека, нередко пребывающего в состоянии озабоченности, печали и даже депрессии. Подобное сочетание психических состояний свойственно циклотимическому типу личности, то есть человеку, психическое состояние которого периодически колеблется между полюсами «экзальтация» и «депрессия», причем здесь имеется определенная склонность к доминированию полюса «депрессии». Последнее замечание сделано из-за присутствия признака ипохондрии в характере автора: забота о собственном здоровье на фоне субдепрессивного темперамента часто усиливает глубину переживаний, служит дополнительным тормозом в рациональном стремлении выйти из угнетенного состояния.

Изложенного достаточно для того, чтобы сделать следующий вывод: индивидуально-психологические особенности Н. И. Бухарина не «предопределяли», качество его личности как глубокого мыслителя, теоретика, философа. Что позволило Н. И. Бухарину заслуженно обрести такой статус — вопрос для специального анализа в другой работе. Здесь лишь можно отметить, что немаловажную роль могли сыграть внешние обстоятельства: политическая и экономическая ситуация, происхождение, уровень образованности, включенность в узкий круг единомышленников и пр., которые, разумеется, в своем сочетании оказались как бы стимулятором для развития психологических потенций личности Н. И. Бухарина. Во всяком случае, не о многих можно было бы сказать так, как справедливо можно сказать о Н. И. Бухарине: он сделал сам себя.

И последнее замечание. Нетрудно увидеть, что «психологический портрет», полученный на основе анализа речевого поведения автора, несколько более привлекателен, нежели «психологический портрет» на основе собственно индивидуально-психологических черт личности. Далеко идущие выводы из этого делать не хотелось бы, но не исключено, что здесь мы обнаруживаем справедливость афоризма: «Сказанное есть ложь».

Заключение

Мы проследили, насколько это было возможно, путь развития проблемы спорного авторства. Причем полный путь: от «А» (авторство) до «Я» (автор). Это сделано впервые, во всяком случае — на страницах массового издания. Перспективы того направления атрибуции, которое изложено в этой работе, грандиозны. Ведь атрибуция — не что иное, как прочтение «духовного» в «материальном». Мы привыкли слышать: «память истории», «следы прошлого», «культурное наследие», но все это представлено предметно, материально. Мы отчасти персонифицируем произведения искусства (находим в них духовное начало). Но почему этого лишен остальной рукотворный мир, не относящийся к столь высокому рангу? Любой предмет, когда-либо созданный человеком, уже одухотворен своим творцом, и надо лишь «прочитать» дух создателя. Возможно, тогда нам не придется с тихой грустью думать о своих космических прародителях и сожалеть, что человечество не очень удачный их посев. Все, что когда-либо на Земле испытало воздействие Разума, может стать нашим достоянием.

Совсем близкие перспективы открываются также с неочевидной стороны: атрибуция — это естественнонаучный аналог... экстрасенсорного восприятия. При атрибуции мы взаимодействуем с духом творца, причем исключая непосредственное общение с ним. При этом отсутствует опора на какие-то мистические механизмы: текст, математическая модель, компьютер — все это лежит в границах понимания даже современного ребенка.

Мы попытались прочесть лишь несколько букв в книге запечатленного человеческого духа, но, как говорил В. С. Высоцкий: «Еще не вечер».

Примечания

1 Словоформа — конкретное слово в грамматической форме.

2 Количественный — основанный на использовании точных числовых оценок.

3 Аутентичный — подлинный текст, автор которого известен.

4 Вербальный — устный, словесный.

5 Конечно, и в сферу судебно-следственной практики попадают аналогичные тексты (например, анонимные тексты, содержание которых подпадает под соответствующие статьи УК).

6 Мы несколько упрощаем процесс постановки вопросов: могут быть и вопросы о форме воздействия (диктовка, внушение, намек и пр), — но принципиально все сводится к дихотомии «да — нет».

7 Кстати, именно этот принцип лежит в основе широко практикуемой на западе диагностики на «детекторе лжи».

8 Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. — М., 1953.

9 Бухарин И. И. Избранные произведения — М. 1988